

ЗОЛОТО РЫБАЧЕЯ

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский
Золото Роммеля

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Золото Роммеля / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

По приказу фельдмаршала Роммеля в 1943 году из Северной Африки фашистами были вывезены огромные сокровища, но доставить их по назначению не удалось, и морской конвой вынужден был затопить их у побережья Корсики. Действие романа разворачивается в послевоенные годы, когда вокруг исчезнувших сокровищ началась настоящая «золотая лихорадка». В операции по поиску принимают участие и легендарные диверсанты — бывший «агент фюрера по особым поручениям» Отто Скорцени и предводитель итальянских боевых пловцов, «морских дьяволов», князь Валерио Боргезе.

Содержание

Часть первая. Африканский конвой	6
1	6
2	9
3	12
4	14
5	18
6	21
7	25
8	29
9	32
10	36
11	39
12	41
13	43
14	46
15	49
16	51
17	54
18	58
19	61
20	64
21	67
22	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Богдан Сушинский

Золото Роммеля

© Сушинский Б. И., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

Часть первая. Африканский конвой

*Если правда, что деньги требуют тишины, значит, правда и то,
что «сокровища Роммеля» требуют... гробового молчания!
Автор*

1

Октябрь 1943 года. Средиземное море.

Африканский конвой Роммеля.

Борт линкора «Барбаросса»

…Корабли уходили на закате. Овеянное песками африканское солнце угасало на огромной жаровне пепельно-бурого перевала, неохотно уступая прибрежное взгорье и подковообразную синеву залива – прохладному морскому ветру¹.

– На шторм нарываемся, – невозмутимо проговорил командор Аугштайн, с трудом проталкивая свои слова сквозь дребезжащую хрипоту обожженной шнапсом и ливийской жарой глотки. – Не мешало бы переждать вон за тем скалистым мыском, – указал он мундштуком трубки на заползающую в залив горную гиену. – Самые сильные удары волн и ветра придется на его оконечность.

– Какой еще шторм?! – изумился барон фон Шмидт. – Это не шторм, это всего лишь портовая встряска. По существу я был прав – этот идиотский конвой, в самом деле, составлен из списанного корабельного дер-рьма! Но если мы задержимся здесь, то завтра у этого мыска будут чернеть разве что обгоревшие оставы ваших судов.

О чем бы ни шла речь, слова оберштурмбаннфюрер фон Шмидт произносил с такой циничной брезгливостью, словно избавлялся от них, как от муторной нечисти. Кроме одного, незаменимого, которое оберштурмбаннфюрер умел преподносить миру так, как позволял себе делать это только он: «дер-рьмо!». Причем произносил он это непотребное словцо с каким-то странным подобострастием.

Выбритое, выпестованное восточными кремами лицо фон Шмидта и в самом деле не знало иного выражения, кроме все того же брезгливого, презрительного снисхождения. Весь окружающий мир барон воспринимал так, как способен воспринимать его только истинный аристократ, случайно забредший в район городских свалок.

– Вы, как всегда, преувеличиваете, подполковник, – так и не запомнил эсэсовское название его чина командор Аугштайн.

– Скорее недооцениваю. Забываете, что мы с вами не в германском порту, под прикрытием авиации и береговых батарей. Завтра англичанам уже будет известно, какой именно груз на наших линкорах и почему нас прикрывают два эсминца. И тогда могилы наши окажутся усыпанными золотом и прочими драгоценностями.

– Уверен, что они знали об этом еще вчера, – раздраженно сплюнул за борт командор.

– Если бы это было так, англичане растерзали бы вас еще до моего прибытия. Представляете: мы покоимся в могилах, усыпанных золотом и бриллиантами?!

---

¹ Ради полноты воссоздания истории появления «сокровищ Роммеля» в данном романе интерпретируются некоторые события, о которых шла речь в предыдущих романах о Роммеле – «Жребий вечности» и «Фельдмаршал должен умереть». – Прим. авт.

– Могил-то как раз и не будет, – незло огрызнулся Аугштайн. – Какие могут быть могилы на морском дне?!

На борт флагманского линкора оберштурмбаннфюрер ступил только два часа назад, но его присутствие уже начинало раздражать командора. Как и вездесущесть эсэсманнов из его охранного отряда.

– И все же, все же!.. – тоном уличного повесы-мечтателя произнес фон Шмидт. – Золотая гробница моряка. Гибель, достойная рифмы поэта!

– Просто англо-американцы пока еще не поняли, сколько здесь всего. И основные силы их заняты сейчас в Тунисе. К тому же мы запустили дезинформацию о том, что будто бы сокровища уже погружены на субмарину. Часть из них – в основном картины и прочие изыски – действительно, ушла на субмарине, но... всего лишь часть.

– Кстати, команде линкора известно, что именно погружено на корабли?

– Преувеличиваете, подполковник.

– То есть хотите сказать, что никто, кроме вас, ни о чем не догадывается? – недоверчиво спросил барон.

– Если бы я заверил, что мне известно, что же в действительности находится на борту «Барбароссы» – это тоже оказалось бы преувеличением.

– Подстраховываетесь?

– Нет, – решительно парировал командор. – Что я видел, кроме тщательно заколоченных контейнеров? Слухи, конечно, гуляют, однако никакой слух блеска золота заменить пока еще не способен.

И оберштурмбаннфюреру в самом деле не оставалось ничего иного как поверить, что о сокровищах в конвое знает очень узкий круг людей.

«Тем лучше, – брезгливо подумал про себя барон. – Меньше свидетелей придется убивать, заметая следы».

Оглянувшись, он увидел подполковника Крона. Как ни странно это выглядело, официально фельдмаршала Роммеля в конвое представлял именно этот офицер. Хотя понятно, что единственным официальным представителем командующего должен был оставаться только он, оберштурмбаннфюрер фон Шмидт. Однако изменить что-либо в подобном раскладе обязанностей уже невозможно.

Так уж случилось, что, с тех пор когда командующий корпусом узнал о его, Шмидта, встрече с Гиммлером, он почему-то перестал доверять ему. И даже не пытался скрывать своего отношения. Естественно, барона это оскорбляло, ведь не сам же он напрашивался на встречу с рейхсфюрером СС. Не он потребовал Гиммлера к себе в ставку, а Гиммлер – его.

«А ведь не исключено, что думает этот вермахтовец сейчас о том же: как избавиться и от командора, и от тебя», – желчно ухмыльнулся оберштурмбаннфюрер.

– Вас не укачивает, господин подполковник? – иронично поинтересовался он, стараясь не очень-то выплескивать свою брезгливую ироничность на голову этого располневшего, безбожно потеющего коротышки.

– Н-нет, такой с-слабости я за собой не замечал. – В июне сорок первого Крон был контужен на Восточном фронте, где-то в районе Бреста, и с тех пор оставался загадочно молчаливым и ритуально немногословным. – П-по-настоящему н-нас начнет «укачивать» только в Италии, когда будем пробиваться к т-тайникам и когда за нами н-начнется охота, как за перепелами.

– Не думаю, что все завершится так уж tragически.

– Завершится. Еще т-трагичнее, нежели нам это представляется. Если только мы сами не п-перестреляем друг друга еще до высадки в Италии.

– Что значит «перестреляем друг друга»?

– Самым б-банальным образом, к-как на групповой дуэли.

— Странные фантазии у вас, Крон, — с каким-то внутренним отвращением покачал головой фон Шмидт.

— Вы, как всегда, все преувеличиваете и обостряете, подполковник, — присоединился к нему командор, безмятежно сплевывая при этом себе под ноги. Он плевался везде и всегда, причем делал это с каким-то совершенно необъяснимым наслаждением, выражая своими плевками целую гамму чувств и отношений к собеседнику, событиям, всему окружающему миру. — Никаких дуэлей! Позволю себе напомнить, господа, что вы находитесь на корабле, командовать которым поручено мне. А я не потерплю...

Этот рослый мрачный тип, с прыщеватым и мертвецки бледным, словно бы напрочь отмороженным, лицом, знал что говорил. Он уже понял, что подполковник, со своими вермахтовцами, представляет здесь интересы фельдмаршала Роммеля, а оберштурмбаннфюрер, со своими черномундирниками, — рейхсфюрера СС Гиммлера. Причем каждый из этих офицеров чувствовал за собой мощь и влияние покровителя.

Другое дело, что на кораблях конвоя оказалось по десять солдат подполковника и всего лишь по пять солдат фон Шмидта. Возможно, для отряда, который должен был отвечать за сохранность контейнеров на море и суще, этого вполне достаточно. Да только сам тот факт, что вермахтовцев отрядили в поход вдвое больше, вызывал у барона вполне естественное раздражение. Тот не мог понять логики Лиса Пустыни. Если уж фельдмаршал решил назначить его, офицера СС, начальником конвоя, то почему солдаты СС находятся здесь в меньшинстве, а главное, зачем нужно было приставлять к нему еще и некоего пехотного подполковника?

Командир линкора, и он же — начальник конвоя, конечно, сочувствовал барону, поскольку тоже не понимал, на кой черт понадобилось дробить охрану на два отряда, с двумя подполковниками, вермахтовским и эсэсовским, во главе. Но что поделаешь: у береговых крыс все делается как-то так, не по-человечески.

Ему как командинику линкора еще и повезло, что Роммелю не пришло в голову назначить начальником конвоя кого-то из своих офицеров; что позволил ему соединять эти две должности. Иначе конфликт выглядел бы еще острее.

В сущности, Аугштайн не желал вмешиваться в грызню подполковников, но в то же время был твердо намерен не допустить, чтобы они схватились еще здесь, на борту линкора «Барбаросса». Вот и теперь, во время очередной стычки, ему пришлось напомнить обоим подполковникам, кто на корабле и в конвое старший. Причем он мог бы сформулировать свое напоминание значительно резче. И, несомненно, сделает это, как только почувствует, что оба пехотинца явно преувеличивают свое значение на борту этого корабля.

2

Передовой эсминец сопровождения уже вышел за гряду мелких скалистых островков и, развернувшись бортом к «Барбароссе», начал не спеша выползать в открытое море. Сейчас он напоминал волка-вожака, который, выводя свою стаю из бора, опасливо обнюхивает окрестности. Второй эсминец, которому надлежало заключать кильватерный строй, держался пока что в сторонке, в промежутке между двумя линкорами, как бы прикрывая их с более открытой стороны бухты.

– И все же, господа офицеры, у меня такое предчувствие, будто наш «золотой» караван уходит не к берегам Италии, а в небытие, – не удержался Крон, продолжая заикаться чуть ли не при каждом слове.

– Ах, эти ваши неутолимые, нервные предчувствия! – подергал левой щекой оберштурмбаннфюрер.

– …Представьте себе, барон, жизнь не только давно приучила меня прислушиваться к своим предчувствиям, но и не раз спасительно заставляла полагаться на них.

– Судьба любого пиратского клада всегда была жестокой и таинственной, – воинственно согласился фон Шмидт.

– Почему «пиратского»? Фельдмаршал изъял эти драгоценности в виде приза победителя, в виде компенсации за наши потери.

– Будете ли вы называть эти сокровища «африканскими», «пиратскими» или «сокровищами фельдмаршала Роммеля»² – суть от этого не изменится.

– И все же впредь я просил бы не называть эти сокровища «пиратскими», – напыщенно потребовал Крон.

– Это ж почему, позвольте вас спросить? – с азартом заядлого дуэлянта встрепенулся оберштурмбаннфюрер.

– Уже хотя бы потому, что это задевает честь мундира фельдмаршала Роммеля и многих связанных с ним офицеров.

– Относительно «задевает честь мундира» позволю себе усомниться. Фельдмаршалу Эрвину Роммелю достался такой военно-политический «мундир», что ему уже ничто не угрожает, – хрипловато проворчал барон.

– Это не меняет существа дела.

– Только не пытайтесь представлять перед нами в облике хранителя чести фельдмаршальского мундира.

– При чем здесь «хранитель чести мундира»?! – взорвавшись, Крон, похоже, взял не ту ноту и вместо командного офицерского баритона снизошел до истерического фальцета. – Фельдмаршал пока еще сам способен постоять и за себя, и за свою честь.

– Вот и я так полагаю, – хамовато признал фон Шмидт. – Он пока еще способен, в отличие от вас...

– Вы, как всегда, все преувеличиваете и обостряете, господа! – натужно прочистил глотку командор, намереваясь пресечь скорую офицеров в самом зародыше.

---

² В основу описываемых здесь событий положены реальные факты. Весной 1943 года, когда стало ясно, что германским войскам в Африке не удержаться, фельдмаршал Роммель погрузил на корабли огромные сокровища, награбленные в странах Северной Африки – золото, деньги, картины известных мастеров, – и несколькими конвоями попытался переправить их в Германию. Кстати, оберштурмбаннфюрер (подполковник СС), который возглавлял команду охраны основного конвоя, тоже носил фамилию Шмидт, однако в романе образ этот собирательный. – Прим. авт.

* * *

Когда, поднявшись на ходовой мостик, командор занялся своими корабельными делами, оберштурмбаннфюрер не спустился вслед за Кроном в каюту, а найдя укрытие от ветра в закутке между орудийной башней и палубной надстройкой корабля, мысленно прошелся по тем событиям, которые в конце концов привели его, сугубо сухопутного служаку, на палубу линкора «Барбаросса». И вспомнить начальнику охраны конвоя было о чем. Слишком уж бурно развивались недавние – в сентябре 1943 года – события там, в Ливийской пустыне, в ставке командующего Африканским корпусом фельдмаршала Роммеля.

… Фон Шмидт до сих пор помнит, что покривевшее от загара и въевшейся в кожу танковой гари лицо фельдмаршала в каких-то едва уловимых чертах напоминало в тот день африканскую маску. Массивный, отчетливо выступающий римский подбородок выпятился еще резче, а главное, воинственнее, – как было всегда, когда он решался на очередную ливийскую авантюру.

– Всякий раз, когда мы близки к победе, у моих солдат ее вырывают. Моя африканская штаб-квартира уже давно могла находиться в аристократическом районе Каира. Но нас предали. Нас предают каждый день. Причем везде – в ставке фюрера «Вольфшанце», в Берлине, в Риме…

Командующий произносил эти слова с таким ожесточением, словно вот-вот намеревался снять свои части с африканского фронта и бросить их в огневое безумие путча.

– Вот именно, и в Риме – тоже, – вынужден был поддержать его фон Шмидт, хотя ни суть обвинений, ни настроение командующего ему не нравились.

– Даже трусивые итальянские «макаронники» – и те давно перестали считаться с нами.

– Чего они вообще стоят, эти «макаронники»? Всего лишь окопное дер-рьмо, – и только! – безапелляционно заявил барон.

– Что не подлежит никакому сомнению! – почти прорычал Роммель, решительно покачивая своей «набыченной» головой. Никакого внимания на грубоватые манеры барона он старался не обращать; слишком уж важен был для него теперь этот эсэсовец.

– Однако не все так уж напропалую безнадежно, господин фельдмаршал, как может показаться.

Командующий корпусом запнулся на полуслове и недоверчиво взглянул на барона. Перед ним стоял первый офицер, которых за многие дни его «неудовольствий и негодований» решился произнести эту странную фразу: «Не все так уж напропалую безнадежно…» И при этом Роммель даже не счел нужным схватиться за пистолет.

– Что… «не так уж напропалую»?.. – все еще предаваясь собственной ярости, поинтересовался Роммель, намереваясь узнать, что же в действительности скрывается под этой фразой. – Чем вы собираетесь меня «утешить»?

– Вспомните, как всего лишь три дня тому мы разгромили чуть ли не половину английского корпуса.

– Потеряв при этом две трети собственных танков, которых уже нечем заменить, – парировал Роммель. Это было произнесено с таким ожесточением, словно Шмидт представлял единственным человеком в этой пустыне, которому командующий мог предъявить претензии по поводу заката своей полководческой звезды.

– Добывать танки у штаба вермахта значительно проще, чем славу на поле боя. Так что главное теперь – не дать забыть о своей победе ни солдатам, ни верховному командованию. Не говоря уже о берлинских газетах.

– Да не слава меня интересует сейчас, черт возьми! – буквально взорвался фельдмаршал. Фельдмаршал, променявший мундир на славу, уже не фельдмаршал.

– Если не слава, что же тогда? – с наивной грустью усомнился Шмидт.

Если полководец не жаждет славы – он безнадежен, в этом барон не сомневался. Услышав от Роммеля, что его не интересует слава, фон Шмидт как-то сразу же потерял к нему всякий интерес.

– Я не способен понять логику генерального штаба верховного главнокомандования, логику самого Кессельринга, который одной рукой вручает командующему фельдмаршальский жезл, а другой подписывает приказ о переброске из Италии предназначенные этому фельдмаршалу дивизии не на побережье Сидра³, в район Тобрука, а куда-то на берега русского Дона. При этом еще и убеждает меня: «Если мы упустим победу на хлебных полях России, то в Ливийской пустыне она будет стоить не дороже горсти песка»!

– Так ведь, может, он и прав? – не удержался оберштурмбаннфюрер.

---

³ Сидр – залив Средиземного моря в районе Бенгази в Ливии.

3

…Увлекшись воспоминаниями, фон Шмидт не заметил, как ветер окончательно утих, и вся часть неба, которую он мог обозревать по курсу линкора, оказалась усыпанной голубоватыми россыпями звезд. Пенящиеся гребни волн все еще достигали фальшборта, однако теперь они налетали без былой ярости, словно стихия окончательно смирилась с тем, что африканским беглецам удастся достичь берегов Европы, увозя с собой не только презренный металл, но и святыни арабских племен.

До самого отхода «Африканского конвоя» барону фон Шмидту не верилось, что англо-американская авиация и британский флот позволят его команде завершить погрузку этих несметных сокровищ. Однако это произошло, и вот теперь, стоя на палубе загруженного сокровищами линкора «Барбаросса», барон фон Шмидт пытался осмыслить все те события, которые привели к формированию «фельдмаршальского отряда» кораблей.

— …Если фюрер тоже считает, что Кессельринг прав, — не унимался во время их тогдашней встречи Роммель, — тогда пусть перебросят мой корпус в Россию, и я пройду ее всю, вплоть до среднеазиатских пустынь.

— Но в таком случае вермахт потерпит поражение здесь, на африканских берегах. Не зря же утверждают, что опыт войны в пустыне в военных академиях приобрести нельзя. Как, впрочем, и на обычных полях сражений.

— Он потерпит это поражение в любом случае. Даже если я сумею добиться в местных пустынях еще двух-трех побед.

— Прошу прощения, господин фельдмаршал, но сегодня я не узнаю вас. Произошло нечто такое, что мне пока что неизвестно?

— Просто сегодня я понял, что в Африке нам не продержаться и полугода, — вернулся его в прошлое властный, суровый голос Роммеля.

— Жаль, — все с той же голгофной грустью произнес фон Шмидт, мысленно сказав себе при этом: «А вот и подтверждение твоего диагноза: с Роммелем, как с полководцем, “который не стремится к славе”, покончено. Теперь он снова жаждет побед и славы, славы и побед!..»

— Однако наша кровь и наш пот должны быть кем-то и каким-то образом оплачены, — продолжил свою мысль Роммель.

— Англичане и американцы в этом не сомневаются. Хотя все они — тыловое окопное дерьмо.

— Англо-американцы здесь ни при чем. Они, конечно же, вытеснят нас отсюда, это очевидно. Однако сами тоже будут сметены в море, как песок с прибрежных дюн. Впрочем, — резко взмахнул руками Роммель, — разговор сейчас не об этом.

Фон Шмидт насторожился: «О чём же тогда?»

— Вам наверняка известно, сколько всякого добра оказалось в наших заметно отяжелевших обозах.

— Смею предположить, что известно далеко не все. Моя фантазия, очевидно, слишком убога для этого.

— Не только ваша. Еще недавно все эти сокровища мы ценили не дороже литра горючего или фляги воды.

— Чаще всего, дешевле. Вода здесь, правда, исключительнейшее дерь-рьмо, тем не менее…

— Однако истинную цену всех этих богатств нам дано будет постичь только тогда, когда они окажутся достоянием рейха.

— И не раньше, — лаконично поддерживал монолог фельдмаршала фон Шмидт.

— Только потому, что вы понимаете это, я назначаю вас главным хранителем сокровищ Африканского корпуса.

— Меня? — по-идиотски хихикнул барон, воспринимая это, как плоскую шутку.

— Что вы так удивленно уставились на меня?

— Не пойму, почему вы остановились на моей личности?.. Я — и «хранитель сокровищ»... До сих пор я всегда гордился тем, что могу считать себя фронтовым офицером. И потом, странноватая какая-то должность — «хранитель»...

— Хотите уведомить своего командующего, что таковой должности не существует? Тогда назовите мне армию, которая имела бы в обозе все то, что имеем мы. И в таких несметных количествах. Ни один султан не способен сравниться теперь своими сокровищами со мной. Ни один, это вам, барон, понятно?

— Тогда что мы с вами делаем в этих песках? — осторожно принял прощупывать почву фон Шмидт. Он произносил это с ироничной ухмылкой на устах, которая позволила бы в любую минуту свести весь разговор к шутке. Однако это была всего лишь маска. — Следует сейчас же подумать, как бы получше распорядиться этими драгоценностями. Для начала значительную часть следовало бы, по пиратской традиции, припрятать, памятую о том, что когда-то же наступят и более... скучные, хотя и более спокойные, дни.

— Пока что я памятую только о том, что во время первого же серьезного поражения мы можем все это потерять, — совершенно не воспринял его пиратский пассаж фельдмаршал. — Все эти картины, иконы, изумруды, сотни всевозможных золотых украшений, стоимость каждого из которых значительно превосходит стоимость самого золота.

— То есть хотите сказать, что все ваши сокровища следует как можно быстрее переправить в Германию?

— Иначе не затевал бы с вами этого разговора.

Шмидт рассеянно как-то кивал головой, понимая, что «пиратский абордаж» его в самом деле не удался. С этой минуты он остается наедине с «сокровищами фельдмаршала», не имея в союзниках их реального обладателя.

— Когда, куда и каким образом вы намерены переправлять эти драгоценности?

— Дату мы определим. Пока же следует сохранить и приумножить все то, что имеем. Приумножить, барон, приумножить.

— Пребывая здесь, в песках?

— Ваша команда, — не отреагировал на его замечание Роммель, — будет состоять из тридцати человек. В основном там будут собраны люди, знающие толк в живописи и драгоценностях и, как минимум, умеющие отличить золото от надраенной медяшки.

— Что весьма существенно, — изобразил некое подобие улыбки фон Шмидт, — поскольку сам я различаю их с огромным трудом. С огромнейшим трудом, господин фельдмаршал!..

— Сначала, — проигнорировал его стенания Роммель, — будем переправлять отдельными партиями, «с корабельной оказией», старинные картины, статуэтки и прочие безделушки...

4

*Октябрь 1943 года. Средиземное море.
Африканский конвой Роммеля.
Борт линкора «Барбаросса»*

…Когда радист вновь сообщил командору, что конвой вот-вот может оказаться в эпицентре урагана, тот, как всегда, внимательно осмотрел горизонт и самонадеянно проворчал: «Опять эти гадалки из метеостанции лгут!»

– А если не лгут?.. – встревожено усомнился фон Шмидт, успев подняться на ходовой мостики.

– Да что они смысят в морском климате, эти береговые лабораторные крысы?! Для того чтобы понимать море, нужно «слушать» его сердцем, как это делают по-настоящему опытные моряки. Точно так же, как опытные летчики «слушают» и понимают небо.

– И все же я поостерегся бы вон тех багрово-черных тучек, которые сгущаются где-то в районе тунисских берегов.

В бинокль командор внимательно осмотрел горизонт, открывавшийся им на северо-западе, по левому борту корабля, пожал плечами, перевел взгляд прямо по курсу, а затем снова навел бинокль в сторону Туниса.

– Похоже, что это в районе мыса Эт-Тиб, – вынужден был он наконец признать правоту фон Шмидта. – Большинство штормов, терзающих в эту пору года Сицилийский пролив, зарождаются именно там, над мысом Эт-Тиб и Тунисским заливом. Не зря же местные рыбаки называют эти шторма «Карфагенским проклятием» – вроде бы и не очень свирепые, но бесконечно долгие, а потому изматывающие.

– Вам виднее, командор: «карфагенским» – так «карфагенским». Признаюсь, что моя сугубо сухопутная душа привыкла прислушиваться не столько к морю, сколько к приказам командования; не имеет значения – морского или сухопутного. Кстати, не меньший грозовой фронт формируется и вон там, у северного прибрежья Сицилии.

– Точнее, в районе Эгадских островов, – и на сей раз вынужден был признать его правоту командор, и лишь после этого, немного поразмыслив, приказал рулевому изменить курс и держаться поближе к берегам Сицилии.

Шмидт, основательно изучивший перед выходом конвоя в море всю карту маршрута и его возможные угрозы, прекрасно понимал: приближение ко всемирному гнездовью мафиози тоже небезопасно. И не потому, что здесь по-прежнему промышляли местные пираты; куда опаснее было то, что в любое время в проливе можно было напороться на рейдирующие между Мальтой и Сицилией английские субмарины. Однако и эту опасность Аугштайн счел слишком нереальной, чтобы тревожиться за судьбу конвоя.

И вообще, чем больше оберштурмбаннфюрер фон Шмидт узнавал этого «моремана», тем больше утверждался в мысли, что линкор «Барбаросса», умудрившийся за всю войну не получить в борт ни одного осколка, выживает не благодаря мудрости и опыту своего командира, а вопреки его безалаберности; по воле некоего небесного заступника.

То же самое происходило и сегодня. Приняв чуть южнее от курса, конвой умудрился проскочить штормовой фронт между двумя его мощными порывами и таким образом оказался лишь под слабым восточным крылом.

– А вот теперь мы двинемся строго на север, – азартно молвил командор, осмотрев в бинокль мощный, от моря до небес, вал из туч и волн, отходящий все дальше и дальше, к берегам Туниса. – По лезвию стихии, как по лезвию судьбы…

– Вы правы, отныне все мы, кто причастен к этой операции, будем ходить по лезвию собственной судьбы.

– Как всегда, преувеличиваете и обостряете,oberштурмбаннфюрер, – привычно прохрипел Аугштайн, однако тут же оторвался от бинокля и с удивлением взглянул на эсэсовца.

– Понимаю, самое время спуститься к себе, освежить продрогшие кости, – не стал вдаваться в подробности фон Шмидт.

Тем не менее, забросив на голову капюшон прорезиненного плаща, он еще какое-то время стоял на корме корабля под защитой орудийной рубки и всматривался в черноту горизонта. То, что происходило сейчас между морем и небесами, напоминало бурлящий вулканический кратер, извергающий клубы дыма и пепла. И редкие молнии, прорезающие горизонт где-то у восточной оконечности Сицилии, лишь дополняли эту картину.

От качки фон Шмидта основательно замутило, и самое время было прислушаться к словам пробирающегося мимо него флотского унтер-офицера, посоветовавшего уйти в каюту и принять горизонтальное положение.

– Или же остаться в вертикальном, – огрызнулся фон Шмидт, – но только вниз головой.

– Такое тоже случалось, господин oberштурмбаннфюрер, – невозмутимо заверил его унтер-офицер. – Уж поверьте старому моряку.

Барон и сам понимал, что надо бы укрыться в каюте, поскольку пребывание на палубе все равно не имеет смысла. И все же продолжал оставаться там, твердо решив, что, коль уж этот, как его называли моряки, «сухопутный позор» должен случиться, пусть случается здесь, а не в каюте, где к тому же обитал подполковник Крон. Линкор явно не был рассчитан на такое количество «пассажиров», а потому с мечтой об отдельной каюте фон Шмидту сразу же пришлось распрощаться.

С того времени, когда Шмидт получил повышение в чине и был назначен командиром охранного отряда, мысли его все чаще начинались с той точки отсчета, которой он раньше попросту опасался, дабы не дразнить рок: «Вот закончится война...» Но теперь, когда он оказался причастным к появлению сокровищ Роммеля, это загадывание на будущее становилось все более тревожным.

Шмидт действительно не мог понять, как произошло, что командиром отряда «африканских конквистадоров» Роммель назначил именно его. Кажется, это случилось на следующий же день после того, как Лису Пустыни был присвоен чин фельдмаршала. Во всяком случае, сразу же после отлета из Тобрука фельдмаршала Кессельринга, «короновавшего» Роммеля фельдмаршальским жезлом.

– Послушай, Шмидт, – на «ты» Роммель обращался к нему еще с тех пор, когда барон служил в его бронетанковой дивизии-«призраке» и прославился во время прорыва французских укреплений в районе Камбре, у северо-западных отрогов Арденн. Они рвались тогда к Английскому каналу, и генерал Роммель старался замечать и награждать каждого офицера, который проявлял хоть какую-то долю храбрости и находчивости, постепенно превращая свои части, а вскоре и всю дивизию в «легион храбрецов». – Как оказалось, мы с нашими победами, никому в этих песках не нужны.

– Не может такого быть, господин фельдмаршал. Мы ведь сражаемся здесь по воле фюрера и по приказу командования.

– Относительно «воли фюрера» высказываться не решусь, а вот что касается верховного главнокомандования, то ему на нас попросту наплевать.

До этого Шмидту приходилось видеть Эрвина Роммеля в самых невероятных ситуациях. В сражении под Бенгази генерал едва не погиб от разорвавшегося в нескольких метрах от него снаряда, посланного из подбитого английского танка, экипаж которого, как предполагали, то ли погиб, то ли оставил горящую машину. Именно после этого случая, когда оказавшийся рядом

командир батальона капитан фон Шмидт помог Роммелю выбраться из песчаной могилы, генерал узнал его, вспомнил и сделал своим порученцем.

Впрочем, на этом их совместные приключения не завершились. Под Бир-Хакеймом оба они чуть не задохнулись от жары и безводия в заблудившемся в пустыне бронетранспортере. Ночь, которую они провели у подножия дюны, в этом железном гробу, сама по себе показалась фон Шмидту ужасной. А под утро, прия в себя, они обнаружили, что находятся буквально в километре от разбивавшей свой лагерь колонны англичан, которые и не заметили-то их благодаря барханам⁴.

Шмидт до сих пор уверен, что спаслись они тем утром только чудом: двигатель бронетранспортера, который с вечера, казалось, заглох навсегда, утром неожиданно завелся, повергнув в изумление даже своего водителя.

Видел он Роммеля и под Тобруком, когда все, что могло лязгать гусеницами и двигать колесами, оказалось без горючего. Да к тому же генштабисты Кессельринга отобрали у них единственный по-настоящему боеспособный авиаполк прикрытия, который понадобился где-то в районе Греции...

...То есть они достаточно много пережили вместе, и барону было с чем сравнивать. Вот почему теперь фон Шмидт с полным правом мог сказать себе, что никогда еще Роммель не выглядел столь озлобленным на всех вокруг, и самого себя в том числе, как в эти минуты.

– Война так не делается, барон! Нас бросили сюда на растерзание шакалам. Армия – только тогда армия, когда она знает, что от нее требуют побед. Да-да, только побед, даже если с военной точки зрения эти победы невозможны.

– Причем чаще всего – когда они в самом деле невозможны, – въедливо обронил фон Шмидт.

– От нас же требуют, чтобы мы всего лишь имитировали сражения. И это – с противником, для которого Северная Африка сейчас главный фронт.

Фон Шмидт не мог не согласиться, что Роммель прав. Однако понимал, что у берлинского командования не было ни тыловых резервов, ни свободных частей, которые оно могло снять с русского фронта. Причем в таких количествах, которые позволили бы Лису Пустыни преломить ход событий в Африке. Но, вместо того чтобы с солдатской прямотой напомнить об этом Роммелю, он с той же прямотой, смахивающей на проявление идиотизма, поинтересовался:

– Чем я способен помочь вам, господин фельдмаршал? Что мне приказано будет предпринять?

Однако Роммель уже не слушал его. Он подошел к окну, из которого веяло не прохладой, а жаром Ливийской пустыни, и придирчиво осмотрел небольшой участок опустевшего аэродрома, чуть в сторонке от которого пролегала расплавленная лента приморского шоссе. В эти минуты фельдмаршал не хотел выслушивать мнение кого бы то ни было, поскольку слушать желал только самого себя.

– Я возмущен действиями генштаба. Эти штабные изверги отняли и продолжают отнимать у нас последние резервы. Они лишили нас прикрытия с воздуха, к тому же постоянно отказывают в каких-либо подкреплениях, бросая свежие дивизии не туда, где Германию ждет военный триумф, а туда, где никакие подкрепления уже не спасут ее воинского престижа.

– Так доложите об этом фюреру, – не удержался барон, советую командующему то единственное, что только имело смысл советовать ему, стоя посреди жестокой, безучастной Ливийской пустыни.

– Они отняли у нас все, что могли, – по существу, никак не отреагировал фельдмаршал на мудрый совет офицера. – Они предали нас и бросили в пустыне на произвол судьбы, на

---

⁴ Здесь интерпретируются реальные факты из фронтовой биографии Роммеля. – Прим. авт.

истребление. Причем я говорю все это, барон, имея в виду не происки предателей, а действия своего верховного командования, которому все еще по-прежнему верю.

– Командование – это всего лишь великосветское тыловое дерь-рьмо, – только и мог пробормотать фон Шмидт, исключительно из чувства солидарности с фельдмаршалом. – И мой вам совет: изложите все это фюреру. Письменно. В личном послании. Причем сделайте это немедленно.

– Своими рапортами я ничего не добьюсь.

– Как минимум, добьетесь вызова в ставку фюрера, где во время личной встречи попытаетесь убедить его в своей правоте.

– Максимум, чего я добьюсь – это гнева всего командования и репутации доносителя, – угрюмо заключил фельдмаршал, давая понять, что дальнейший разговор на эту тему бессмыслен.

5

Звездная ночь Сардинии окончательно усмирила остатки шторма, и на море снизошла насыщенная свежестью южная благодать.

Фон Шмидт понимал, что вслед за ней, утром, над караваном появятся звенья английских или американских штурмовиков, тем не менее воспрянул духом. И даже позволил себе отчитать совершенно измотанного штормом ефрейтора-эсэсовца, поднявшегося откуда-то из чрева линкора, словно из склепа, и теперь устроившегося на каком-то ящике у подножия мачты.

– Я всего лишь второй раз в жизни плыву на корабле, – оправдывался штурмманн (ефрейтор) СС, мучительно сдерживаясь, чтобы не вырвать прямо в присутствии оберштурмбаннфюрера. – К тому же предупреждал командование, что мое предыдущее плаванье проходило очень тяжело.

– И что изрек по этому поводу твой командир?

– Заверил, что для утопленника я вполне сгожусь.

Барон придиличко осмотрел штурмманна с ног до головы, будто и в самом деле пытался определить степень его готовности перевоплотиться в утопленника…

– Вот это оно и есть, настояще тыловое дерь-рьмо, – благодушно проворчал он, явно имея в виду не столько командира СС-ефрейтора и его послештормовые экзальтации, сколько усеянное звездами небо, убаюкивающую черноту моря, корабль и все прочее, что составляло понятие «этот мир». И никто в «этом мире» не смог бы истолковать, какой именно смысл пытался вложить сейчас в это далеко не аристократическое словцо барон фон Шмидт. – Человек – дерь-рьмо, море – дерь-рьмо, все вокруг – окопное или тыловое, но… дерь-рьмо!

Спросив на всякий случай фамилию ефрейтора, оберштурмбаннфюрер записал ее в блокнотик и отправился к себе в каюту. Он с удовольствием прилег бы там, если бы не присутствие подполковника Крона. Барон не то чтобы невзлюбил этого человека – для него невыносимым было ощущение самой близости вермахтовца. Полное невосприятие этого неврастеника, по-шутовски подергивавшего при разговоре правым плечом, давало знать о себе уже с расстояния в десять шагов.

– Кажется, все улеглось? – устало спросил тем временем подполковник.

Едва линкор отошел от пирса, как он забрался в свою «усыпальницу» и лишь изредка поднимался на палубу, чтобы хоть немного отдохнуть. Шторм воздействовал на него так же губительно, как и само его, Крона, присутствие – на оберштурмбаннфюрера.

– Вы все проспали, подполковник. Мы уже давно лежим на дне.

– Несколько раз мною овладевало именно такое ощущение. Причем с каждым часом он становится все более реалистичным.

– Не наблюдаю истинно германского духа, подполковник. Море, корабль, контейнеры… – все это дерь-рьмо. Истинно германский дух – вот то единственное, что стоит внимания и уважения.

Крон тяжело вздохнул и нервно поерзал в своем лежбище.

– Как только высадимся в Генуе, следует затребовать подкрепления.

– Зачем? Нас и так слишком много. Слишком… много. Кстати, не изволите ли продиктовать мне список ваших солдат? Кажется, вы утверждали, господин Крон, что знаете их и помните поименно.

– С этим можно было бы подождать и до утра, – простонал подполковник, словно от зубной боли.

– Предпочел бы сейчас и немедленно, – приказным тоном объявил оберштурмбаннфюрер.

– Делать вам нечего, – проворчал Крон. Тем не менее тут же начал называть фамилии.

Переписав их в свой блокнотик, оберштурмбаннфюрер быстро перенес туда и список эсэсовцев. Обнаружив, что забыл фамилию оставшегося на палубе ефрейтора, фон Шмидт вдруг открыл для себя, что очень скоро ему понадобится знать не только имена всех принимавших участие в доставке сокровищ в Европу, но и все, что только можно, – о самих этих людях. И твердо решил, что утром потребует от командора предоставить списки экипажей всех четырех кораблей.

– Простите мое любопытство, подполковник, но в офицерском клубе в Тунисе вас называли «дантристом». Довоенная профессия?

– Какая еще профессия? – неохотно отмахнулся Крон.

– Не родственник ли вы того самого Крона, который стал творцом знамени Третьего рейха?⁵

– Именно потому, что этот «краснознаменщик» был дантристом, меня тоже принимают за его коллегу.

– Флаг рейха – из рук дантриста! – брезгливо процедил барон. – Вот оно – великосветское деръ-рьмо! Кстати, у вас, подполковник, нет желания повернуть «Барбароссу» к берегам Сардинии и спрятать наши контейнеры где-нибудь в прибрежной отмели?

– Не дают покоя лавры предводителя пиратов Генри Моргана? – съязвил Крон. – Что вы предлагаете: захватить корабль? Оставить службу рейху и обречь себя на пиратскую судьбу?

– А почему бы и не рискнуть? Мы захватываем корабль. Меняем курс. Высаживаемся на пустынном берегу Сардинии, прячем золото, а сами скрываемся в горных районах острова. До тех времен, когда можно будет воспользоваться своими сокровищами.

– У меня есть только одно желание: в точности выполнить приказ фельдмаршала Роммеля. И я не желаю вести на эту тему никаких других разговоров.

– Сокровища фельдмаршала – все то же великосветское деръ-рьмо! – примирительно согласился фон Шмидт и, прихватив из своих собственных «сокровищ» бутылку французского вина, отправился в кают-компанию, бросив уже с проема двери: – Все, что только что было молвлено мною, следует воспринимать в качестве проверки на лояльность.

Блеск золота, конечно же, возбуждал его. Но еще больше возбуждало и тревожило предчувствие того, что он может уйти на дно вместе со всеми африканскими сокровищами. Уйти на дно самому – с этим он еще мог смириться. Но лечь на ил вместе со сказочными богатствами –казалось адской несправедливостью.

А тем временем тревога нарастала. Шмидт не мог простить Гиммлеру его легкомыслия. В свое время он предложил рейхсфюреру СС не рисковать. К чему морской караван? Троих солдат вполне достаточно, чтобы упрятать сокровища в укромном местечке африканского мыса Эт-Тиба, от которого до итальянской Сицилии рукой подать. Причем упрятать так, чтобы следы сокровищ потерял даже Роммель. Вот именно, даже Роммель. Хотя фон Шмидту порой казалось, что сам фельдмаршал совершенно безразличен к судьбе своих сокровищ. Как, впрочем, и к самим сокровищам.

Лис Пустыни явно относился к тем, кого следовало считать романтиком войны. Правда, в данном случае это нужно было причислять скорее к недостаткам, нежели к достоинствам, поскольку лучше уж фельдмаршал был бы «романтиком сокровищ». По крайней мере, тогда он серьезнее относился бы к той опасной операции, которую поручил ему, Шмидту. А главное, тогда с фельдмаршалом можно было бы по-деловому обсудить их дальнейшее сотрудничество. Пока же оберштурмбаннфюрер чувствовал себя цепным псом, приставленным охранять чужие сокровища. Однако все его естество восставало против столь жалкой роли. А тут еще этот тупица Гиммлер…

---

⁵ Речь идет о Фридрихе Кроне, зубном враче по профессии, который в мае 1920 года предложил фюреру идею нацистского флага (красное полотнище со свастикой).

На подъезде к порту, в районе Хальк-Эль-Уэда, он, фон Шмидт, со своими эсэсовцами мог увести грузовик в район мыса и припрятать часть сокровищ в отрогах Тунисского хребта. Но Гиммлер упорно настаивал на том, чтобы тащиться с сокровищами через все Средиземное море, затем пробиваться к Альпам, дабы в конечном итоге припрятать их в районе ставки фюрера «Бергхоф».

Барон даже не счел необходимым вникать в детали этого плана, настолько он показался ему легкомысленным. Он прекрасно понимал: пока этот поход завершится, об операции «Бристольская дева» будет знать половина Германии. Неужели рейхсфюрер не способен был осознать этого? И вообще, кто так относится к сохранению сокровищ?!

6

Роммель, – вновь мысленно перенесся фон Шмидт в Ливийскую пустыню, в ставку командующего, – выставил появившегося в дверях с какой-то депешей в руке адъютанта, прошелся по своему, насыщенному песочной пылью шатровому кабинету и неожиданно извлек хранящуюся у него в шкафу, в небольшой бадье с водой, бутылку пива. «Фельдмаршальский бульк-орден», – так это именовалось в окружении Эрвина Роммеля, где точно знали, что, если не самой высокой, то, по крайней мере, самой искренней наградой, которой можно удостоиться от командующего, является очередная извлеченная из бадьи бутылка трофейного пива.

– Никаких особых познаний в ювелирной области от вас, фон Шмидт, и не требуется. Для этого существуют специалисты, которые обязательно будут прикомандированы к вашему морскому конвою. А пока же для меня важно знать: вы, лично вы, готовы выполнить мой приказ?

– Поскольку это… приказ, – едва заметно передернул плечами оберштурмбаннфюрер. – А я – все еще солдат. Правда, в вашем прямом подчинении я не нахожусь, поскольку после вступления в ряды СС являюсь офицером службы безопасности. Но в сложившихся условиях…

– Следует помнить, что речь идет об особом приказе, связанном с выполнением задания исключительной важности. Поэтому-то и спрашиваю: вы, подполковник войск СС, готовы выполнить этот приказ любой ценой и самым надлежащим образом?

– Поскольку это приказ, – словно бы заклинило старого служаку фон Шмидта.

– Был бы здесь Отто Скорцени, – не воспринял его состояния командующий Африканским корпусом вермахта, – или кто-либо из его людей, выпускников известной вам Фридентальской разведывательно-диверсионной школы, я, сами понимаете, обратился бы к ним.

Барон воспринял эти слова, как удар ниже пояса. Оказывается, что из-за необходимости поручить кому-то выполнение особо важного задания к нему обращаются только потому, что рядом нет Скорцени или кого-либо из его диверсантов! Но, с другой стороны, разве не сам он продемонстрировал фельдмаршалу какую-то странную неуверенность?

Шмидт внутренне встряхнулся, стал по стойке «смирно» и натужно, словно пытался вззвалить на спину некую тяжесть, прокряхтел:

– Так точно, господин фельдмаршал. Ваш приказ готов выполнить самым надлежащим образом.

– Вот теперь вижу, что передо мной оберштурмбаннфюрер СС, а не вермахтовский интендант. Иное дело, что на какое-то время вам нужно будет перевоплотиться в интенданта, но что поделаешь?..

– Извините, господин фельдмаршал, я – боевой офицер СС, и к тыловой службе…

– Не утруждайтесь, барон, знаю. – Он вручил фон Шмидту причитающийся ему «бульк-орден» и прошелся по просторному шатру. – Потому и считаю, что от вас мы смеем ожидать кое-чего поважнее, нежели обычной армейской исполнительности. Например, исключительной бдительности и столь же исключительной преданности.

– В этом можете не сомневаться, господин фельдмаршал.

– Только речь идет не о преданности сокровищам и пиву, а о преданности лично мне. Иначе мы попросту не сможем выполнить то, что задумали.

– В моем чувстве долга вы не разочаруетесь, но…

– А при чем здесь ваше «но»? – резко парировал фельдмаршал, напоминая фон Шмидту, что терпеть не может, когда подчиненные произносят это свое «но».

– Очень важно знать, кто именно поддерживает нас в Германии. Из самых высокопоставленных чинов, естественно. Иначе самим нам сокровища не переправить, не спрятать, не сбе-

речь. Даже если удастся прорваться с ними через заслоны англо-американских рейдеров, подвой штурмовиков, по партизанским тропам Северной Италии...

– Справедливо, барон, справедливо. – Роммель откупорил свою бутылку и разлил пиво по двум кружкам, одну из которых тут же протянул своему собеседнику. Этим он дал понять, что врученный ему ранее «бульк-орден» оберштурмбаннфюрер может взять с собой, утолив перед этим жажду из кружки.

Теперь он вел себя со Шмидтом не как с подчиненным, а как с единомышленником. А главное, ему понравился практицизм, с которым барон подходит к их, теперь уже общему, делу. Вот только самого барона настораживало, что фельдмаршал слишком уж долго держит паузу.

– Я так понимаю, что ни Гиммлер, ни Кальтенбруннер, ни Борман...

– Только не Борман, – поморщился командующий Африканским корпусом. – Терпеть не могу этого слюнтя, даже несмотря на то, что он стоит во главе партии.

– Кто же тогда?

Лис Пустыни растерянно промолчал. Он вообще не ожидал подобных вопросов, полагая, что его, Роммеля, «героя нации», высокого покровительства для барона окажется вполне достаточно.

«А ведь в Берлине в этом деле покровителя у него нет! – с удивлением открыл для себя фон Шмидт. – Фельдмаршал, наивная его душа, просто отдает эти сокровища рейху, не задумываясь над тем, в чьи конкретно руки они попадут, кому в итоге достанутся».

– В таком случае, господин фельдмаршал, следует подумать не только над тем, кому мы можем довериться во время прохождения операции, но и кого следует напрочь исключить, а кого – столь же решительно опасаться.

– Хотел бы напомнить, барон, что перед вами – командующий экспедиционным корпусом, а не главарь сицилийской мафии, – помрачнел Роммель. – И мне крайне неприятно заниматься всем тем, о чем вы только что говорили.

Шмидт не сомневался, что фельдмаршал искренен с ним, однако эта его искренность лишь усугубляла сложность положения. Налаживать связи в верхних эшелонах власти, так или иначе, придется ему, Роммелю. Осуществлять общее руководство операцией тоже способен только он. И наплевать, кем он будет чувствовать себя при этом: главарем мафии или пиратствующим капитаном какого-нибудь шлюпа.

– За сокровищами начнется охота сразу же, как только они будут доставлены в порт, для погрузки. А возможно, и раньше. Причем бригады охотников станут формироваться чуть ли не во всех столицах мира. И не думаю, что прибытие конвоя в Германию само по себе обезопасит нас с вами; скорее наоборот: в самом Берлине неминуемо найдутся люди, которые захотят избавиться от нас, как от нежелательных претендентов на часть сокровищ или, по крайне мере, от нежелательных свидетелей.

– Над таким исходом операции стоит поразмыслить, – угрюмо согласился фельдмаршал, заставив фон Шмидта еще раз задуматься над тем, в какую опасную игру втравливает его этот безвольный человек.

Вода в бадье слишком плохо охлаждала пиво, и Шмидту оно показалось мыльно-горьковатым на вкус. Тем не менее оба офицера срывали губами его желтоватую пену, как лепестки с цветков райского блаженства.

– Подобрать команду вам поможет лейтенант Кремпке, – возобновил их разговор Роммель.

– Почему именно он?

– Специалист. Сын ювелира и его же ученик.

– Даже предположить не мог, что сыны ювелиров тоже «умудряются» попадать в действующую армию, да к тому же – в «африканскую».

– Не удивляйтесь, если хорошо поискать, мы найдем у себя даже двоюродного племянника английского короля. Вас это в самом деле поражает?

– Уже нет, – сладострастно употребил барон очередную порцию почти священного – в условиях этой безводной пустыни – напитка. – Мало того, я никогда не сомневался, что все ювелиры – великое светское дерь-рьмо; до той поры, естественно, пока их не превращают в дерь-рьмо окопное. Как, впрочем, и племянники королей. Однако лейтенанта этого, «ювелирного», из-под пуль следовало бы изъять, причем сделать это надо немедленно.

– Уже изъят, – охотно заверил фельдмаршал, причем в устах его это прозвучало, как в устах обывателя традиционное: «Обижашь! Мы в этой жизни тоже кое-что смыслим».

– В нашей с вами ситуации простительнее было бы потерять половину дивизии, нежели одного такого специалиста.

– И мы ни в коем случае не потеряем его, оберштурмбаннфюрер.

* * *

Опустошив в сумеречном одиночестве каюты половину бутылки, барон так и уснул в кресле беспечным сном разбогатевшего в мечтаниях нищего. И снился оберштурмбаннфюреру тот же навязчивый шизоидный сон, который преследовал его вот уже в течение нескольких ночей: он обнаруживает себя на огромной груде сокровищ, которые медленно, но неотвратимо, словно убийственная трясина, засасывают его, угрожая погубить в своих недрах.

Барон терпеть не мог ни снов, которые обычно называл «потусторонним бредом», ни их толкователей, тем не менее этот «потусторонний бред» почему-то казался ему по-настоящему зловещим.

Проснулся же фон Шмидт уже в те минуты, когда загрохотали зенитные орудия, а все пространство над кораблем стало изрыгать рев авиационных моторов.

«А ведь ты никогда не простишь себе того, что, доставив в Европу невиданные сокровища, так и вернешься с войны разорившимся аристократом, не имеющим за душой ничего, кроме трех орденов и двух нашивок за ранение», – молвил себе барон, вновь принимаясь за бутылку прекрасного вина.

Несмотря на налет вражеской авиации, оставлять свою каюту оберштурмбаннфюрер не торопился. К чему суетиться? Все равно более защищенного места на этом «летучем голландце» ему не найти. Да и на палубе с его пистолетом тоже делать нечего. Так стоит ли напршиваться на третью нашивку о ранении?

– В этот раз налетали не англичане, а американцы, – презрительно сплюнул себе под ноги командор, когда налет был завершен и фон Шмидт все же явил команде свой синюшно-бледный лик.

– Вы уверены в этом? – спросил барон только для того, чтобы как-то отреагировать на слова старшего по чину.

– Как в самом себе. Отчетливо видел их бомбардировщики.

– Впрочем, какое это имеет значение: кто именно нас пытался угробить: «Темпесты», «спитфайтеры»⁶ или что-то там из летающего арсенала англичан? – проворчал барон.

– Все выглядит намного сложнее. Появление американцев может означать, что и они тоже знают об операции «Бристольская дева».

– Откуда им знать об этой операции? И потом, насколько мне известно, пилотов награждают за потопленные корабли, а не за содержимое их трюмов.

---

⁶ «Темпест» – бомбардировщик ВВС США среднего радиуса действия. «Спитфайтер» – истребитель ВВС США, часто использовавшийся американцами во время Второй мировой войны в качестве штурмовика.

— И за содержимое — тоже, — не сдавался командор. — Слишком уж наша операция необычна, чтобы противник даже не догадывался о ней. Немалый куш достанется тому, кто раскроет тайну «Африканского конвоя Роммеля», поэтому-то разведки не дремлют.

— Просто пилоты увидели германские корабли и устроили нам классическую «ужиную охоту».

— А предчувствие почему-то подсказывает, что после войны американки начнут путаться у нас, хранителей сокровищ фельдмаршала, под ногами, конкурируя в этом не только с англичанами, но и с французами, итальянками, и даже с русскими.

— Ну, русские-то здесь при чем?

— При сокровищах, при чем же еще?

Офицеры молча обшарили биноклями все видимое пространство вокруг конвоя, и лишь после этого фон Шмидт изрек:

— Мало нам англичан, так еще и янки эти чертовые, с их «темпестами» и «спитфайтерами»!.. Полное тыловое дерь-рьмо!

Небо над конвоем давно опустело, а корабельные зенитчики все еще нервно подергивали орудийными и пулеметными стволами, буквально прощупывая ими поднебесные окрестности, которые в любую минуту могли породить новую волну штурмовиков.

– Теперь все понятно: это еще там, в Тунисе, сработала английская разведка, – сплевывал командор сгустки жевательного табака. – Иначе как объяснить, что авиация союзников преследует нас от самого мыса Карбонара? Можно подумать, что, кроме нашего конвоя, ни на море, ни на суше у англичан не осталось ни одной достойной мишени.

– И все же каждая миля приближает нас к Генуе, – мечтательно произнес фон Шмидт, осматривая проплывавший мимо борта линкора какой-то крохотный скалистый островок.

– Мне почему-то кажется, что она приближает нас к небесам.

Барону было понятно настроение командора. Ведущий эсминец ушел на дно еще у южной оконечности Сардинии. Замыкающий бежал к берегам Таскании, уводя за собой английскую подводную лодку. И кто знает, удалось ли ему уцелеть? Сам «Барбаросса» получил две бортовые пробоины и несколько палубных повреждений. Двенадцать моряков и часть солдат охраны погибли или же были ранены. Не лучше обстояли дела и на линкоре «Рюген».

– Впереди, справа по курсу, в двадцати милях – остров Эльба! – доложили командору по переговорному устройству.

– Французов это, возможно, обрадовало бы, – зло сплюнул Аугштайн. – А нам нужно продержаться до темноты. – Он почти с ненавистью взглянул на зависшее справа по борту непогрешимо беззаботное солнце и, нервно сжав кулаки, прошелся по мостику. – Второго такого налета мы попросту не выдержим.

– Но его может и не последовать. Дело идет к вечеру.

– Они не успокоятся, пока не убедятся, что от нашего конвоя остались только спасательные круги на водных воронках. На всякий случай будем держаться поближе к берегам Корсики, чтобы спасти хотя бы команду.

Барон спустился в свою каюту и, воспользовавшись тем, что шторм стал постепенно угасать, тут же уснул. Снилась ему бесконечная каменистая пустыня, которой он обрел, теряя последние силы, падая, поднимаясь и снова падая. Во время одного из таких падений он и проснулся. Поняв, что мог проспать нечто очень важное в определении судьбы сокровищ, корабля и собственной судьбы, фон Шмидт тут же оставил каюту со всеми еще похрапывающим подполковником Кроном и по трапу метнулся наверх.

Понадобилось какое-то время, чтобы он понял, что солнце еще не зашло, а в предвечерье своем всего лишь скрылось за тучами; ну а за сумерки он принял дымку – все еще прогретую дневным теплом, однако слишком уж пресыщенную влагой.

– …Слева по борту вот-вот откроется корсиканский мыс Корс, – обратился к нему командор таким будничным тоном, словно оберштурмбаннфюрер никуда не отлучался. – Если англичане утомятся, к ночи мы сможем подойти к островному берегу и подремонтироваться.

– У нас нет для этого времени, – резко возразил Шмидт. – Ночь должна быть использована для перехода к Генуе.

– В таком случае следовало позаботиться о прикрытии с воздуха, оберштурмбаннфюрер! – вспылил командор. – Как вы могли отправлять такой груз, не позабывши ни о субмарине, которая вышла бы нам навстречу и отгоняла английские подлодки, ни о парочке истребителей, которые встретили бы нас хотя бы здесь, у Тосканского архипелага?

– Позволю себе заметить, командор, что я не распоряжаюсь ни подводным флотом, ни люфтваффе, – незло огрызнулся фон Шмидт. – И вообще, все, что здесь происходит, – это

всего лишь великосветское дерь-рьмо. Подводный флот и люфтваффе – тоже дерь-рьмо. Эту ночь мы еще продержимся, а на рассвете вызовем суда поддержки и авиацию.

Он хотел добавить еще что-то, но в эту минуту взвыла корабельная сирена, и командору вновь пришлось объявлять воздушную тревогу. Наблюдатели доложили, что с юго-запада подходят два звена штурмовиков.

– Еще полчаса ада, – молитвенно взглянул на небо командор, – и дно морское откроет перед нами райские врата свои.

Он оказался прав, английские пилоты действительно устроили им настоящий ад. Были мгновения, когда не привыкшему к морским боям оберштурмбаннфюреру хотелось только одного: чтобы все это поскорее закончилось, пусть даже вознесением на небеса через морское дно. Мысленно он уже поклялся, что никогда больше нога его не ступит ни на один корабль. Вот только удастся ли эту клятву осуществить?

Тем временем ничего не менялось: корабль все еще оставался между дном и поднебесьем, а британские пилоты, потеряв одну машину сбитой, вели себя еще более нагло.

В последнем сообщении, которое поступило с борта «Рюген», говорилось: «Получил множественные повреждения. Теряю плавучесть. Разрешите уйти в сторону материка». И командору ничего не оставалось делать, как ответить: «Разрешаю. Позаботьтесь о команде».

А еще через несколько минут «Рюген» скрылся за каким-то необитаемым скалистым островком.

Сам же «Барбаросса» продолжал идти на север-запад, стараясь поскорее приблизиться к спасительному мысу Корс. Когда появившиеся в небе два германских истребителя приняли огонь на себя и распустили англичан, линкор уже еле держался на плаву. Его аварийные насосы работали, как захлебывающиеся легкие утопающего.

– Мы-то со своим золотом-серебром, командор, и на мели с пробоинами продержимся. Но если волны начнут омывать полотна великих мастеров, покоящиеся в трюмах «Рюген»...

– Это будет оправдано обстоятельствами. Достаточно прочесть мой бортовой журнал...

– Гиммлер бортовыми журналами не интересуется.

– На сей раз – придется.

– Вот только рейхсфюрер вряд ли догадывается об их существовании. Другое дело, что, узнав о наших потерях на ниве культурных ценностей, Гиммлер вместо одного из погибших полотен захочет пришипить к стенке своей виллы меня, – мрачно подводил итоги этой схватки оберштурмбаннфюрер фон Шмидт, при всей своей осторожности умудрившийся получить легкое осколочное ранение в предплечье, – в этом можно не сомневаться. И самое страшное, что он будет прав.

– Сейчас не время предаваться философствованиям. Лучше думайте, как поступим с грузом, господин оберштурмбаннфюрер. До Генуи мы теперь не дойдем – это уж точно. Оставлять сокровища на корабле тоже опасно: если мы продержимся эту ночь на плаву, утром англичане нас добьют. Выход один – выгрузить контейнеры на корсиканском берегу, в какой-нибудь укромной бухточке.

– Что тоже крайне опасно. Насколько мне известно, на Корсике сейчас партизаны и «деголлисты»⁷, и местные сепаратисты. Уж они-то обрадуются. О рыбаках тоже забывать не стоит.

– Однако приставать к итальянскому берегу, где-нибудь в этом районе... – принялся тыкать пальцами в карту Италии, сначала в районе острова Каприя, затем в побережье Аппенинского полуострова, между городами Вентурини и Сан-Винченцо, – не просто опасно, но убийственно. Возвращаться к Сардинии, чтобы искать убежища где-то там, – слишком поздно.

---

⁷ Приверженцы генерала де Голля, возглавлявшего в годы Второй мировой войны борьбу французов против германских оккупантов.

– Судя по всему, мы опять оказались в деръ-рьме, – благодушно и самоуспокоительно констатировал фон Шмидт. Однако командора ответ не удовлетворил. Он чувствовал свою ответственность за груз, а посему требовал решения.

– С Берлином, а тем более – с «Вольфшанце», где может находиться сейчас Гиммлер, нам не связаться, – напомнил он барону. – С фельдмаршалом, воюющим где-то в пустыне, – тем более. Да и какой в этом смысл, что он может посоветовать и каким образом поддержать?

Шмидт прошелся по слегка накрененной – от перебора воды в отсеках – палубе и, вцепившись в поручни, несколько минут напряженно взглядываясь в видневшуюся вдалеке гряду подводных скал.

– На чем мы сможем доставить наши контейнеры туда, в проходы между скал?

– Для баркаса они слишком тяжелы. Но море спокойное. Можем поставить их на плот, в основание которого будут подведены два баркаса. Словом, я прикажу соорудить плот.

– Штурман обязан будет очень точно обозначить на карте места, в которых мы осуществим погружение контейнеров. А припрячем мы их в разных местах, ориентировавшись по скалам.

– Только не у подножия самих скал – слишком приметные ориентиры, – посоветовал командор. – К тому же к ним легко можно будет подступиться.

– Тоже верно. Хотя, позвольте себе заметить, подвели вы меня, командор. Линкор! Конвой! На что я полагался? Это не корабли, это обычное флотское деръ-рьмо!

– Ваши великосветские манеры, барон, общеизвестны, – сдержанно парировал командор, смахнув с лица слюни и сплевывая себе под ноги сгусток жевательного табака. – Следует ли демонстрировать их при каждом удобном случае?

* * *

...Вспоминать подробности всей той ночной операции по затоплению сокровищ у какого-то скального островка оберштурмбаннфюреру не хотелось. Тем более что сама ночь в памяти осталась «ночью сплошных кошмаров». Началось с того, что один из контейнеров матросы чуть было не уронили за борт еще во время погрузки на плот; хорошо еще, что эти огромные «сундуки» были соединены друг с другом тросами. Затем плот едва не подорвался на всплывшей у места захоронения мине. А закончилось тем, что во время выгрузки последнего контейнера фон Шмидт и еще один эсэсовец оказались за бортом. Спасти того, второго, моряки так и не сумели.

Но самое страшное ожидало оберштурмбаннфюрера, когда он вернулся в Берлин. Дело в том, что, прежде чем попасть к рейхсфюреру Гиммлеру, он оказался в кабинете Кальтенбруннера. И вот тут-то все и началось. Узнав о поспешном затоплении драгоценностей, – без разрешения из Берлина, без попытки спрятать их на берегу, – начальник полиции безопасности и службы безопасности (СД) так рассвирепел, что едва не пристрелил его прямо в своем кабинете. Возможно, и прикончил бы, если бы не опасался, что вместе с оберштурмбаннфюрером отправит на тот свет и тайну захоронения сокровищ фельдмаршала.

– В течение скольких часов после этого вашего «акта трусости» линкор «Барбаросса» продержался на плаву? – с ледяной вежливостью поинтересовался Гиммлер уже после того, как фон Шмидт попал к нему на прием, причем не столько для доклада, сколько в поисках спасения. Ибо не было уверенности, что Кальтенбруннер действительно оставит его в покое, а не загонит в концлагерь.

– Еще около трех часов. Но понимаете...

– Сколько-сколько?! – поползли вверх брови Гиммлера.

– Около трех часов, господин рейхсфюрер. Удивив своей плавучестью даже... командора.

На самом же деле агония корабля продолжалась не менее четырех часов, просто Шмидту страшно было вымолвить эту цифру.

– И теперь прикажете нам обшаривать морское дно вдоль всего северного побережья Корсики?

– У меня есть карта. И надежные приметы. Очень надежные. Утром британцы могли потопить «Барбароссу» или высадить десант. Наш, германский, катер наткнулся на нас совершенно случайно. Затем уже подошел итальянский торговый корабль. Если бы итальянцы узнали о контейнерах с драгоценностями, то еще неизвестно, как бы они повели себя.

Несколько минут Гиммлер зловеще молчал. Он сидел за столом, угрюмо подперев кулаками виски, и глядел куда-то в пространство мимо оберштурмбаннфюрера. Казалось, он вот-вот взорвется ревом отчаяния. Но вместо этого рейхсфюрер СС устало, не поднимая глаз и не меняя позы, спросил:

– У кого именно находится эта карта?

– У меня, господин рейхсфюрер СС.

– Кто обладатель ее копии?

– Копия с оказией была передана самолетом в Африку, фельдмаршалу Роммелю.

Услышав о втором обладателе карты, рейхсфюрер издал какой-то приглушенный рев. Казалось, он готов был простить барону все что угодно, кроме того, что карта попала к Лису Пустыни. Словно бы решение «отдавать или не отдавать карту фельдмаршалу» в самом деле зависело от Шмидта.

– И кого же еще следует причислять к счастливым обладателям этой пиратской бесценности?

– Никого больше.

– Слишком уверенно заявляете об этом, барон.

– Карт было две: у меня и подполковника Крона, которая теперь перекочевала к Роммелю. Но особые приметы знаю только я. На плоту со мной Крона не было.

– Существенно, – признал рейхсфюрер. – О копии своей карты позаботились?

– Так точно.

– Она должна находиться в моем сейфе.

Барон предвидел такой исход, извлек из кармана копию и положил на стол перед рейхсфюрером.

– Однако на нее не нанесены приметы, – предупредил он.

– На моей карте они должны быть указаны.

– Существуют приметы, которые на карту нанести невозможно. Лучше всего отыскивать их на местности.

Гиммлер долго, старательно протирал бархаткой идеально чистые стекла очков, как поступал всегда, когда затруднялся с решением. Причем в данном случае он решал для себя: «Пристрелить этого наглеца-барона прямо сейчас или же сначала милостиво пропустить его через подвалы гестапо?»

– Хорошо, приметы вы укажете лично, – подарил ему индульгенцию на бессмертие рейхсфюрер. – Я распоряжусь, чтобы на фронт вас ни в коем случае не направляли. Но вы всегда должны помнить, кому обязаны спасением, а также о том, что я на вас рассчитываю.

8

1943 год. Остров Корсика

Последний визит на остров Скорцени совершил уже в те дни, когда рисковал быть захваченным в плен англо-американцами или солдатами армии генерала де Голля. И был удивлен, что, вопреки всем военным бурям и бомбёжкам, отель «Корсика», с его рестораном «Солнечная Корсика», все еще процветает. Вазонные цветы на столиках и залитая нежаркими лучами солнца терраса, «бункер Скорцени» времен его охоты на Муссолини...

– О, да, вопреки всем прогнозам гестапо и воле Господней, вы, господин Шварц, все еще живы, дьявол меня расстреляй?! – с медлительной вежливостью палача приветствовал владельца ресторана первый диверсант рейха.

– Главное, что не вопреки вашим молитвам, – сдержанно ответил баварец, прекрасно понимавший, что жив он вовсе не вопреки прогнозам гестапо, а исключительно благодаря личному заступничеству Скорцени. Об этом владельцу отельного комплекса, или, как тут его называли, «поместья», поскольку отель был окружен двумя гектарами парково-пляжной территории, уже дважды было заявлено в местном отделении гестапо открытым текстом. И сопровождавший сейчас обер-диверсанта штурмбаннфюрер Умбарт однажды был тому свидетелем.

– Вы, конечно же, решили, что раз и навсегда избавились от меня как назойливого посетителя, – продолжал словесно прессовать барона обер-диверсант рейха. – Но, что поделаешь, опять вынужден вас огорчить.

– Посетитель вы суэтный, не скрою. Но я уже настолько сбылся с вами, что был бы куда сильнее огорчен, если бы вы не посетили это благословенное всеми истинными гурманами, – с монашеской смиренностью обвел баварец взглядом свой ресторан, – заведение. Так что прошу за столик, господа офицеры.

За время, которое они не виделись, очертания коренастой фигуры баварца стали еще более несуразными; белесые, почти бесцветные глаза – заметно потускнели, постепенно наполняясь старческой тоской обреченности. Зато квадратное, кирпичного цвета лицо приобрело печать мрачной решительности, в то время как тяжелый, вызывающе упрямый – словом, сугубо баварский подбородок этого «неисправимого сепаратиста» по-прежнему упирался в окружающий его мир с упорством приклада старой австрийской винтовки образца Первой мировой войны.

– Мне прекрасно известно, незабвенный господин Шварц, что из наших душевных бесед вы никаких уроков не извлекли, и вам по-прежнему глубоко наплевать на гестапо, СС, СД и саму идею Великой Германии.

Для всякого прочего корсиканца эта фраза тотчас же легла бы в основу приговора военного трибунала, но только не для Шварца, который встретил ее с поразительной невозмутимостью.

– Это всего лишь ваши предположения, господин штурмбаннфюрер.

– Но ведь нельзя же воспринимать СД как службу Христова всепрощенничества, дьявол меня расстреляй!

– Нельзя, – решительно покачал склоненной головой командир батальона «корсиканцев» Умбарт, присоединяясь к уже привычной словесной игре берлинского гостя.

– Из всего сказанного вами я понял, господа, – заключил Шварц, – что пить вы опять будете охлажденное бургундское. Из блюд могу предложить традиционную говядину в вине, курицу по-итальянски и, конечно же, спагетти, но... по-корсикански – это с очень острой, пикантной приправой.

— Вот что значит слыть завсегдатаем гнезда баварских заговорщиков, в котором тебя понимают с полуслова, — поучительно подчеркнул Скорцени специально для Умбарта. — Валяйте, Шварц: в вине и с приправой... — А выждав, пока владелец поместья удалится, вновь обратился к «корсиканцу»: — Вы недооцениваете преимущества личных отношений, штурмбаннфюрер. Это я говорю вам как австриец австрийцу.

— Считаю, что война способна многому научить, в том числе и меня, — уклончиво как-то ответил комбат корсиканских эсэсовцев. Присутствовавший при их разговоре адъютант Скорцени гауптштурмфюрер Родль по-прежнему оставался сосредоточенно молчаливым.

— Вы нравитесь мне, Умбарт, и я бы даже взял вас в отдел диверсий Главного управления имперской безопасности, — продолжал Скорцени, только теперь занимая место за своим столиком на террасе, из-за которого просматривались в бинокль очертания ближайших островков.

Зная, что Скорцени вновь появился на острове, Шварц позаботился, чтобы его персональный уголок отгородили от остальной части зала разборной деревянной перегородкой. И почти заиндевевшая бутылка кроваво-красного густого вина, которую ресторатор лично привнес на вздрагивающем подносе, тоже была данью его признательности Скорцени и символом их «государственно-преступной» — как выразился однажды обер-диверсант рейха — дружбы.

— Возможно, и взяли бы, — запоздало отреагировал Умбарт, — но сначала пропустили бы через гестапо.

— При чем здесь гестапо? Мне нужен офицер, а не фарш в мундирной обертке.

— В таком случае визита в гестапо лучше избегать.

— Иное дело, что в Берлине и так всем кажется, что нас, австрийцев, собралось там слишком много. У них это называется «австрийский нарыв». Не «прорыв», заметьте, а именно «нарыв». Что вы с таким удивлением слышите меня, Умбарт? Вы что, в самом деле решили, будто центр общеевропейских интриг давно переместился на Корсику?

— Но я могу просто входить в вашу группу. Как один из командос. Под вашим крылом, как я понял, собирается все больше храбрых боевых офицеров, причем преданных лично вам. Откровенно говорю: для меня это единственный способ избежать дополнительных проверок в гестапо. Особенно если учесть, что с «центром заговора на Корсике» с сегодняшнего дня будет покончено.

— Причем самым решительным образом, — иронично заверил его Отто. — Хотя помню, что ни одному французскому королю, ни одному императору такое еще не удавалось. И любимую поговорку местных сепаратистов тоже не забываю: «Невозможно покорить остров, который взрастил Наполеона, покорившего половину мира!..»

Умбарт порывался что-то сказать в ответ, но в это время до их слуха донеслось мерное гудение авиационных моторов. Прислушавшись, Скорцени определил, что самолеты приближаются со стороны Рима; очевидно, союзники использовали одну из итальянских баз, расположенных в Кампании, неподалеку от Неаполя. В то, что это могут быть выискивающие вражеские суда итальянские или германские бомбардировщики, ему не верилось. В последнее время в местных небесах резвились только асы союзников. Однако вскоре внимание Скорцени отвлек вновь появившийся «баварский сепаратист» Шварц.

— Приближается авиация противника, — объявил он голосом конферансье. Взрывы бомб ему выслушивать было легче, нежели дружеские обвинения во фюрероненавистничестве, к которым столь угрожающе прибегал обер-диверсант рейха.

— Мы в этом уже убедились, — заверил Шварца комбат «СС-корсиканцев»

— В таком случае не стоит медлить. Ближайшее укрытие находится в нескольких метрах от ресторана, на склоне холма.

— Вы найдете его еще ближе, — заверил Отто. — За нашим столом.

— Понял, — неохотно согласился Шварц, но не потому что опасался налета. — Сейчас предупрежу работников, что остаюсь. А вы, — обратился он к трем завсегдатаям ресторана,

блаженствовавшим по ту сторону перегородки, в конце зала, – сами выбирайте, где погибать: здесь или по дороге в убежище.

Теперь они сидели вчетвером и были похожи на фаталистов, жизнерадостно разыгравших один бокал с ядом на четверых и не подозревающих, что кто-то постарался, чтобы отравы хватило на всех.

– Ни для кого не секрет, дорогой Шварц, что вы со своей навязчивой идеей отколоть великую Баварию от презренной Саксонии и прочих «германий» превратились на острове в главаря заговорщиков. Поэтому в ваших интересах правдиво ответить на несколько вопросов. В присутствии, так сказать, свидетелей и понятых.

– Все, что касается меня, – пожалуйста, –зывающе обронил Шварц. Это уже был не тот запуганный баварец, который во время прошлого пребывания Скорцени на Корсике вздрогивал и бледнел при каждом подобном выпаде.

– Нет, мои вопросы касаются не только вас лично. Господа, вам приходилось что-либо слышать об африканских сокровищах Роммеля?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что, прежде чем ответить, баварец медленно, вопрошающе осмотрел всех трех офицеров и вновь остановил свой немигающий взгляд на главном диверсанте рейха.

– В самом деле, ко мне заходил один рыбак из ближайшего городка. Под большим секретом поведал, что где-то у берегов Корсики покоятся контейнеры с золотом, которые германцы вывозили из Африки, но, попав под сильную бомбардировку, вынуждены были сбрасывать их с тонущего корабля в море. Причем происходило все это неподалеку. Где именно – он не знает.

– Почему же поведал сию тайну именно вам?

– Пытался выяснить, какие слухи дошли по этому поводу до меня. И потом, для поисков ему нужны были надежные союзники, большие деньги, наконец база, на которой могло бы отстаиваться поисковое судно… Если я все правильно понимаю, вскоре вам понадобится такая же база.

– Считайте, что она уже понадобилась, – молвил Скорцени. – И что отныне вы зачислены в мою команду. Связь мы наладим, а поиски развернем, как только завершится война. Ваша задача – отслеживать все действия поисковиков-любителей, убеждая всех любопытствующих, что слухи о «золоте Роммеля» – не более чем вранье местных рыбаков.

9

Отель «Корсики», состоявший из трех пристроенных друг к другу корпусов и поэтому немного напоминающий улитку, расположился на высоком косогоре, подножие которого упиралось в каменистый берег моря. Окна-бойницы номера Скорцени выходили на море, которое просматривалось в просвете между кронами пирамидальных тополей, словно в прорезь прицела.

По чьей-то прихоти «Корсики» была обсажена множеством деревьев самых диковинных пород, что казалось явным излишеством, поскольку они мешали любоваться главной достопримечательностью здешних мест – морским заливом, лазурно-бирюзовая гладь которого подступала прямо к ступеням лестницы, по которым степенно вышагивали постояльцы.

Сами же «аборигены» отеля особого интереса у обер-диверсанта рейха не вызывали: отель был отдан старшим офицерам корсиканской бригады СС, а также офицерам местного отделения СД и гестапо, чьи высокостриженые затылки казались штурмбанфюреру убийственно однотипными и заунывно знакомыми еще по Берлину. Единственным достоинством этой корсиканской обители являлось то, что она охранялась множеством явных и тайных охранников, причем с такой тщательностью, что в этом отношении уступала разве что «Вольфшанце».

«Это логово отдано тебе только на ночь. А большую часть дня ты проведешь в своем бункере» – как обер-диверсант называл персональную кабинку на террасе в ресторане «Солнечная Корсика».

Умиротворив себя таким образом, Скорцени скептически осмотрел довольно скромно обставленный, хотя и двухкомнатный, номер. Именно в нем Отто останавливался во время своего предыдущего визита на остров, поэтому все здесь казалось знакомым: от старомодного телефонного аппарата, произведенного еще в начале века, до потускневшей под солнечными лучами картины безвестного художника, изобразившего тот же пейзаж, который открывался постояльцу из его окна. Воистину – венец фантазии и сервисного искусства владельца отеля.

Едва штурмбанфюрер отвел взгляд от окна, как в ту же минуту ожила телефон.

– Надеюсь, вы хорошо устроились, господин штурмбанфюрер? – Этот вопрос могла задать здесь только одна женщина –unterштурмфюрер (лейтенант) СС Лилия Фрайнштаг. Однако голос, пробивавшийся сейчас сквозь шумы телефонной линии, явно принадлежал не ей.

– Спасибо, великолепно. – Скорцени ответил это, будучи убежденным, что говорит с кем-то из обслуживающего персонала. Но владелица французского акцента не стала томить его неизвестностью и сразу же раскрыла ошибку:

– Я могла бы предложить вам поселиться у меня на вилле, всего в каком-нибудь километре от вашего отеля. Но боюсь, что вы не решитесь на такой шаг, опасаясь покушения или чего-то в этом роде.

– Любой другой офицер на моем месте храбро заявил бы, что ничего не опасается, и попросил бы назвать адрес. Однако я на такие провокации не поддаюсь: слишком банально. У вас возникли еще какие-то вопросы?

– Только сожаление, поскольку звоню по совету командира Корсиканской бригады СС штурмбанфюрера Пауля Умбтарта. Да при этом еще и пытаюсь спасти вас от гнета вашей слишком строгой спутницы, Лилии Фрайнштаг, – игриво рассмеялась незнакомка. – Меня зовут Жанной. Вас заинтересовал номер моего телефона?

– В нем нет необходимости.

– Умбарт всегда был плохим психологом. В этот раз он опять ошибся, – разочарованно молвила Жанна. – До встречи, штурмбаннфюрер. Кстати, вы заметили, что до сих пор я не назвала вас по фамилии?

– Я обратил на это внимание.

– Следовательно, умею придерживаться некоторой конспирации. Почему бы вам не оценить мой талант?

– Кто бы вы там ни были на самом деле... Убирайтесь к дьяволу.

– «Дьявол меня расстреляй»! – попыталась пророкотать в трубку Жанна, явно подражая самому Скорцени. Эта ее выходка оказалась настолько неожиданной, что штурмбаннфюрер отнял трубку от уха и с удивлением взглянул на нее, словно вместо мембранны ожидал увидеть саму нагловатую собеседницу. – Жаль, на моей вилле вы были бы в большей безопасности, нежели в любом ином здании на этом острове. – И на всякий случай запомните мое имя – Жанна д'Ардель.

– Д'Ардель? – удивленно переспросил Отто.

– Произнести по слогам? – рассмеялась Жанна. – У вас еще будет время привыкнуть к звучанию моей фамилии.

Трубку д'Ардель умудрилась повесить первой, всего за секунду до того, как это решился сделать Скорцени. Так ничего толком и не поняв, штурмбаннфюрер позвонил в штаб первого батальона корсиканской бригады и, не представляясь, попросил дежурного срочно разыскать командира.

– Он в отеле «Корсики», – последовал ответ. – Устраивает своего гостя. Не думаю, что появится здесь раньше чем через час.

– А если его уже нет в отеле, поскольку это я – его гость, и звоню из «Корсики»?

– Тогда другое дело. Значит, он – у своей красавицы. Номер телефона дать не имею права, иначе штурмбаннфюрер просто-напросто пристрелит меня. Но сейчас же попробую связаться с его соблазнительницей.

...После душа постель показалась блаженственным ложем праведника. Утонув в ее перинной мягкости, Скорцени несколько минут лежал обнаженным, не прикрывая греховное тело и не углубляясь в своих размышлениях в недра не менее греховной души. Это было сладостное ничегонеделание, которое в последнее время штурмбаннфюрер мог позволить себе крайне редко.

Где-то неподалеку появился самолет. По тому, как нервно затягивали на него зенитки, Скорцени нетрудно было догадаться, что это – разведчик союзников и что вслед за ним над городком может появиться целая туча фанерных английских «москито». Чувствуя свое превосходство в воздухе, авиация англо-американцев носилась целыми стаями и набрасывалась на германские позиции, словно свора бульдогов на беззащитную дворнягу. Одна из печальных реальностей войны, с которой приходилось мириться со все большим чувством неотвратимости.

И все же с кровати его поднял не мерный гул авиационных моторов, а жестяное стрекотание телефонного аппарата. На этот раз ему не пришлось гадать, с какой дамой он имеет честь беседовать.

– Кем вы себя возомнили, Скорцени? – с яростной невозмутимостью поинтересовалась Фрайнштаг, вкладывая в слова всю накопившиеся за время их итальянского вояжа сарказм и желчь. – Долго мне еще топтаться у вашей двери, решая для себя: стучать или не стучать?

– Странно, я был убежден, что давно определились в сторону непреклонного «стучать». Неужто так и не сумели?

– Можете считать, что упустили тот счастливый момент, когда я, не задумываясь, поступалась бы в вашу дверь.

— Вся наша жизнь, уж извините за философствование, как раз и состоит из упущеных моментов, — Скорцени только сейчас вспомнил, что топчется у телефона в чем мать родила, и уже подсохшие рыжеватые волосы на его теле топорщатся, подобно клочьям шерсти на молодом, прошедшем через брачные баталии, орангутанге.

— Вы же знаете, что любые ваши слова, штурмбаннфюрер, я всегда воспринимаю, как вершину философской мысли, — возвела в абсолют свою язвительность Лилия. Что, однако, не помешало Отто почесать свою мохнатую грудь с чувством явного превосходства, уподобляясь тому, с кем только что сравнил себя. Впрочем, в этом почесывании тоже проявлялось нечто такое, что вполне могло сойти за элемент философии земного бытия.

* * *

К счастью, самолет ушел на запад, так и не атаковав отель. Решился он на это, и... — Скорцени живо представил себе, как по-горилы метался бы по номеру в поисках своей одежды.

Но и Фройнштаг, которая, как он понимал, все еще находилась на почтенном расстоянии от его двери, пока что тоже не определилась. Значит, можно еще понежиться в постели.

Корсика по-прежнему оставалась той французской территорией, которую англо-американцы и их союзники бомбили очень выборочно, и без такой мстительной ожесточенности, с какой они набрасывались на объекты в самой Германии. Так что во время налетов здесь можно было чувствовать себя в значительно большей безопасности, нежели в любой из частей рейха.

— Конечно, сейчас вы начнете ссылаться на авиацию англичан и собственную леность, — упредила его Лилия. — А тем временем я присмотрела здесь небольшую бухточку. Правда, она временно оккупирована — какой-то морской офицер развлекается в ней с пылкой корсиканкой. Но ведь мы заставим их убраться оттуда, отпугнув своим внешним видом, разве не так?

— Благодарю за приглашение и комплимент,untersturmführer, — благодушно молвилober-dиверсант рейха и тут же напрямик поинтересовался: — Кто такая Жанна д'Ардель?

От неожиданности Фройнштаг поперхнулась. Если бы прозвучало мужское имя, она, конечно же, отреагировала бы куда спокойнее.

— А действительно, кто такая Жанна д'Ардель? — медленно, по слогам, переспросила она, явно приблизив телефонную трубку к губам. — И почему вы спрашиваете об этом меня?

— Так, на всякий случай. Вдруг окажется, что это имя вам известно...

— Вот кто такая Мария-Виктория Сардони, — перебила его Лилия, — это я твердо усвоила. Хотите, скажу вам, кто такая княгиня Сардони, а, штурмбаннфюрер? — с явной угрозой в голосе поинтересовалась Лилия. — И вам совершенно нечего будет возразить.

— Убирайтесь к черту, untersturmführer, — незло проворчал Скорцени, не желая вступать в новую словесную схватку. Все равно ведь, так или иначе, а побеждала на подобных турнирах Фройнштаг. Всегда почему-то она, даже когда Скорцени начинал чувствовать себя абсолютным победителем. — Вы ведь понимаете, что интерес мой сугубо служебный.

— Попробовали бы вы не прибегнуть к подобному оправданию!

— Неплохо было бы узнать, что представляет собой эта дама и почему она вдруг заинтересовалась мною.

— Теперь меня это интригует не меньше, чем вас. Но об этом мы еще поговорим, а пока что... Жду вас у подножия лестницы, ведущей к заливу.

— По-армейски одеваюсь и выхожу.

— Одна, жду, без Жанны д'Ардель.

— В чем я абсолютно не сомневаюсь.

— Нет, все-таки... хотите, объясню вам, кто такая княгиня Сардони? Иначе вы так и будете пребывать в приятном неведении.

— Методика воздействия, к которой вы, Фройнштаг, прибегаете, — незло констатировал обер-диверсант рейха, — именуется «утонченным, сугубо женским садизмом».

10

Коренастого, по-тюленыи неуклюжего морского офицера, обхаживавшего пышнотелую корсиканку, Скорцени и Фройнштаг выживать не понадобилось. Насладившись одиночеством, купанием и ласками, которые не прерывались ни на суше, ни в воде, эти двое загорелых влюбленных поспешно оделись и уступили поле сражения без боя.

— Моя ошибка заключается в том, что в свое время не направил свои стопы в военно-морской флот, — молвил Скорцени, глядя вслед неплохо сложенному морячку, успевшему загореть так, словно не служил здесь, а наслаждался свадебным путешествием.

— Вас, штурмбаннфюрер, обязательно направили бы в Северный флот, — исключительно из вредности своей напророчествовала Фройнштаг.

Она вообще никогда не отличалась кротостью нрава, однако в последнее время характер ее стал просто-таки несносным. Судя по всему, все еще не могла простить ему флирта с княгиней Сардони.

— Вы не позволяете мне ни на минуту забыться, ни на грош пофантазировать, — добродушно проворчал обер-диверсант рейха, оставляя за собой право в любой ситуации оставаться снисходительным. Должна же когда-нибудь Лилия оценить это и простить. Как в свое время Отто простил ей страсти в бассейне, на вилле архитектора Кардьяни, когда она чуть было не растерзала бедную «смазливую итальянку» в порыве своих лагерно- lesbиянских страстей.

А вот место Фройнштаг присмотрела удивительное. Войдя в отвоеванную бухточку, она не стала разбивать пляжный лагерь там, где нежились моряк и корсиканка, а обошла небольшую каменную россыпь и оказалась в настоящем фьорде, хотя и обращенном своим входом на север, но залитом палящим солнцем корсиканского юга. Изумрудная трава, акварель залива, высокие скалы, ограждавшие аборигенов от любопытства и ветров.

— Теперь вы знаете, где мы соорудим свою хижину, когда война наконец завершится, — мгновенно подобрела Фройнштаг настолько, чтобы хоть чуточку смягчить приказной тон, в котором довела до сведения штурмбаннфюрера свои жизненные планы.

— Вы развеяли мои последние сомнения на этот счет, Фройнштаг.

Они появились во фьорде в штатском одеянии: на Лилии было длинноватое, чуть ниже колен, легкое платье, Скорцени же облачился в серые брюки и темно-синюю безрукавку. В таких одеждах они могли появляться где угодно, и везде, по замыслу Отто, их должны были бы принимать за местных горожан.

— И все же своими шрамами, штурмбаннфюрер, вы сводите на нет всю нашу маскировку, — мрачно штирила Фройнштаг. Она успела расстелить небольшой коврик, которым пользовалась еще на лигурийском побережье Италии, и легла на спину, слегка поджав при этом ноги, ровно настолько, чтобы оголить икры и поиграть Скорцени на нервах. — Как бы вы, мой дорогой, ни наряжались, все равно в любом порядочном обществе вас станут принимать за отпетого уголовника.

— Лучше бы все-таки — за диверсанта.

— Исключено, — критически скользнула взглядом по его лицу Лилия. — Явно не тянете. Фактура не та, да и само выражение этого увенчанного шрамами лица...

— В общем-то, я и не стараюсь скрываться, — пожал плечами обер-диверсант.

Он как можно незаметнее осмотрел вершины громоздившихся вокруг их убежища утесов, полосу залива — и остался доволен тем, что все голоса доносились откуда-то из-за гребней, а единственный парус рыбакской лодки находился настолько далеко в море, что его попросту не следовало принимать в расчет.

Убедившись, что им здесь никто не помешает, Отто опустился на колени у ног женщины.

– Только не вздумайте набрасываться на меня, штурмбаннфюрер, – игриво предупредила Фройнштаг, расстегивая халат и обнажая замысловатую итальянскую кофточку для купания, соединявшую в себе бюстгальтер и верхнюю часть купальника. – Если я закричу, вам вряд ли удастся убедить жандармов, что вы мой супруг. Коим никогда и не являлись.

– Вы забыли, что рейхсфюрер призывает солдат СС ко внебрачным связям. Что у нас это поощряется, – улыбнулся Скорцени своей чарующей «улыбкой Квазимодо».

– Ради продолжения рода, Отто, только ради продолжения рода и поддержания чистоты крови⁸. Но ведь вы и не собираетесь использовать меня для продолжения рода?

– Почему бы и нет? Что вас смущает?

– Да слишком уж роль для вас непривычная, к тому же явно неармейская.

– Ваша неопытность в этих делах меня не отталкивает. Скорее наоборот…

– Давно известно, что по части внебрачных связей вы явно переусердствовали. По-моему, это единственный приказ рейхсфюрера, который в СД выполняется с неистребимым рвением.

Однако слова женщины никакого значения сейчас не имели. Скорцени похотливо осмотрел ее шею, открытую часть груди; сдерживая волнение, провел руками по едва помеченным южным загаром ногам…

– Если я и раздеваюсь, то вовсе не потому, что решила отиться вам, штурмбаннфюрер, – предупредила его Лилия, окончательно сбрасывая халат и принимаясь за юбку. Трусики у нее были из такой же ткани, что и кофточка-бюстгальтер, и выглядела она в этом купальном костюмчике весьма экстравагантно. Как-никак Скорцени привык к черной строгости ее эсэсовского мундира, под которым все было точно таким же строгим и неприступным. В этом итальянском купальнике Лилия представляла перед ним в облике взбалмошной девицы из предместья.

Улегшись рядом с женщиной, Скорцени несколько минут молча любовался ее красотой, а Фройнштаг, с хитроватой улыбкой шаловливого ребенка, следила за каждым его взглядом, каждым движением, то и дело перехватывая привычно блуждающую по всему ее телу руку мужчины.

Как можно нежнее обхватив ладонями разгоревшиеся щеки Лилии, обер-диверсант приподнял ее голову и нежно поцеловал в губы, подбородок, шею… Лилия не сопротивлялась, наоборот, тянулась к нему и, закрыв глаза, улыбалась каким-то своим, только ей понятным и доступным мыслям и чувствам.

– Нет, Скорцени, – все же возобладал в ней дух противоречия, как только штурмбаннфюрер немного утомился. – Тому, что вы, отпетый грубиян, предстаете здесь в роли моего любовника – тоже никто не поверит. Словом, у вас почти не осталось никаких шансов на успех, мой закоренелый диверсант, известный еще и как «человек со шрамами».

– Никаких, дьявол меня расстреляй, – легкомысленно согласился Отто, вновь ложась рядом с девушкой на краешек подстилки. Это была поза преданного хозяйке сторожевого пса. – Вам не кажется, что у нас с вами,unterштурмфюрер Фройнштаг, и любовь получается какой-то гестаповско-эсэсовской?

– Таковой она и должна быть. Наша любовь всегда должна являться миру такой, какими являются мы сами и каковой сотворяем ее – ни лучше, ни хуже.

Штурмбаннфюрер задумчиво потерся щекой о ее щеку и положил голову на грудь девушки, стараясь при этом не налегать на нее, дабы не затруднять дыхание. Лилия мечтательно вздохнула, погладила его слегка вьющиеся волосы, провела пальцами по губам, словно

---

⁸ Имеется в виду приказ рейхсфюрера СС Гиммлера от 28 октября 1939 года, который не только призывал эсэсовцев к внебрачным половым связям ради продолжения рода, но и прямо обязывал позаботиться о наследниках. Это делалось в целях «сохранения и дальнейшего развития чистокровной германской расы».

умоляла молчать. Зачем говорить сейчас о чем-либо, если им обоим и так хорошо, в этом нетронутом войной, почти райском уголке.

— Думаю, что миру она вообще не явится. Иное дело, что являться станут города, разрушенные нами в годы этой войны; концлагеря, устраиваемые обеими сторонами, в которых, как окажется, погибли миллионы людей; провокации, диверсии... Вот, что явится этому миру, когда человечество насытится войной и почувствует отвращение к ней. А почувствовав это самое отвращение, начнет изгонять и побивать камнями виновных.

— Что с вами, штурмбаннфюрер? — встревожилась Фройнштаг, приподнимаясь на локте. — К чему все эти покаянно-исповедальные речи?

Скорцени не ответил, он смотрел вдаль, на одинокий серый парус, который едва виднелся в «амбразуре» их фьорда, и ему уже самому хотелось отречься от сказанного. Нет ничего страшнее на войне, чем попытка осмыслить ее, понять причины и предугадать исход, а заодно — познать цену своей жизни. Последнее это дело для солдата — погружаться в философию войны.

— Неужели вашими устами заговорил страх, мой неустранимый штурмбаннфюрер?

— Не исключаю, что и страх — тоже, — уклончиво ответил Скорцени.

— Нет, признайтесь, штурмбаннфюрер, это что, действительно страх? Собираясь в своей казарме, мы, охранники женского лагеря, тоже порой с ужасом загадывали, что бы случилось, если бы проиграли эту войну и в Германию ворвались бы русские варвары. Как бы они измывались, узнав, что мы — эсэсовки, да к тому же — лагерные охранники. Но тогда мы не скрывали, что это страх. Так что зря вы боитесь сознаться в нем, Скорцени.

— Сознаться в страхе? — улыбнулся Отто. — В таком случае неминуемо придется сознаться и в наличии совести, которая посещает меня еще реже, чем страх.

— Знаете, мне тоже порой кажется, что мы натворили в этом мире чего-то такого, чего нам уже никогда не простят, — задумчиво произнесла Лилия, садясь и обхватывая колени руками. — Ни за что не простят, какими бы мы правыми себя ни считали. И коммунистам тоже не простят. Мне приходилось беседовать с арестованными — француженками, бельгийками, голландками... Наши идеи кажутся им такими же бесчеловечными, как и идеи коммунистов. Нас они называют национал-фашистами, а русских — коммунист-фашистами. И одинаково ненавидят. Вот чего мы добились в этом мире. Представляю, как вся Европа окрысится на нас, когда выяснится, что победителями в ней оказались не мы.

Скорцени ничего не ответил, быстро разделся и направился к усыпанной разноцветной галькой отмели.

«Я еще вернусь в этот мир, — зло пробормотал он про себя. — Я еще пройду его от океана до океана».

— Погодите, я — с вами, — поднялась вслед за ним Фройнштаг, не догадываясь о том, сколь странно перекликаются ее слова с девизом обер-диверсанта рейха. — Теперь я уже почему-то боюсь оставаться без вас.

Скорцени вновь промолчал. Слегка поеживаясь, поскольку вода поначалу показалась ему холодноватой, он уходил по мелководью все дальше и дальше, пока не погрузился по подбородок.

— Я еще вернусь в этот мир! — угрожающе рокотал он своим слегка хрипловатым басом. — Я еще пройду его от океана до океана!

В эти минуты Скорцени показался Фройнштаг язычником, которого разгневанная толпа фанатиков загоняет в море, а он, уже понимая, что обречен на гибель, все еще огрызается и угрожает.

Едва она подумала об этом, как услышала гул авиационных моторов и каким-то особым фронтовым чутьем осознала, что это вражеские штурмовики и что на сей раз они летят по их души.

11

Когда они поднялись на плато, большую часть которого занимал отель «Корсики», с двумя своими флигелями, на каменистых дорожках его еще дымились обгоревшие бревна западного флигеля, завывали сирены машин скорой помощи и торопливые санитары метались между руинами с носилками, на которых лежали укрытые простынями тела. Облаченные в белые одеяния, они принадлежали уже иному миру, иному бытию.

Скорцени и Фрайнштаг проскочили между двумя носилками, чувствуя себя неловко оттого, что и сами они уцелели, и во флигеле их только слегка разметало часть крыши да позабрасывало балконы грудами «взрывного» щебня.

Отель все еще оставался почти совершенно пустым. Постояльцы и обслуживающий персонал покинули его, как покидают здание после первых подземных толчков, предчувствуя, что они не последние. И хотя в небе над островом вновь появились самолеты – очевидно, германские или из тех немногих, что остались верными дуче, – Скорцени и Фрайнштаг уже не обращали на них внимания. Быстро переодевшись в мундир офицера СС, Лилия зашла в номер Скорцени и обессилено плюхнулась в кресло, предварительно оттянув его подальше от окна, из которого видна была часть залива и силует появившегося вдали судна. Судя по очертаниям, военного.

– Помнится, вы говорили о какой-то мадемузель, осмелившейся тревожить вас, прежде чем выложили из чемоданчика свою зубную щетку, – молвила эсэсовка, прислушиваясь к тому, как Скорцени блаженствует под душем, который, несмотря на налет и разрушения, все еще функционировал.

– Не злопамятствуйте, Фрайнштаг. Вам это не к лицу.

– Я ведь не упрекаю вас в том, что вы самым бессовестным образом увиливаете от прямых ответов.

– В тех случаях, когда эти «прямые ответы» мне неизвестны, – парировал Отто. – Сейчас меня куда больше интересует мой адъютант Родль. Очень хотелось бы знать, где, под крылом какой фурии, он пребывает в эти минуты.

– Да уж, господа офицеры СС, воздух Италии, как, впрочем, и Корсики, вам совершенно противопоказан. Поэтому, на всякий случай, напомните-ка мне имя той самой девицы.

– Жанна д'Ардель. Кажется. Разве я уверял, что она – девица? По-моему, голос у нее был старческим.

– Не пытайтесь оправдываться. В роли подследственного вы совершенно бездарны. Когда после войны вам придется предстать перед трибуналом – следователи будут разочарованы.

– Вы себя во время этого следствия видите в роли переводчицы?

– Не богохульствуйте, штурмбаннфюрер, не богохульствуйте. Словом, о вашей слабой стороне я уже сказала. Иное дело – в ведении допроса. Там вы по-настоящему сильны, признаю. Итак, Жанна д'Ардель… Странно, почему впервые мне пришлось услышать это имя именно от вас?

– Несчастная пока еще даже не догадывается, как ей до сегодняшнего дня везло.

«За стенами этого здания выносят из развалин трупы, – напомнил себе Скорцени. – А ты в это время оправдываешься перед любовницей. Существует некое несоответствие между этими действиями. Неужели не улавливаешь?»

Тем временем Лилия подошла к столику, на котором стоял телефон и, увидев в открытой записной книжке Отто номер штурмбаннфюрера Умбтарта, не колеблясь, позвонила ему.

– Это вы, Умбарт? – строго поинтересовалась она таким тоном, будто не она его, Умбтарта, тревожит, а Умбарт – ее. – Ваш штаб все еще не разнесло? То есть как это… «кто»? Унтерштурмфюрер Фрайнштаг. Да, та самая… – Беседуя с командиром первого батальона «кор-

сиканцев», Лилия краешком глаза подсматривала, как, обернувшись полотенцем, Скорцени важно прошествовал из ванной в соседнюю комнату. – Вам знакомо такое имя – Жанна д'Ардель? Даже так?! Понятно. Откуда оно мне известно? Да уж наслышана.

Скорцени все еще облачался в свой франтоватый приталенный мундир, а Лилия уже возникла в проеме двери его комнаты.

– Сколько раз я давал себе слово не раскрывать женщинам имена их соперниц! Никогда, ни под каким предлогом...

– А ведь все очень просто, штурмбаннфюрер. Жанна д'Ардель – хорошая знакомая подруги Умбарты.

– Только-то и всего, Лилия, только-то и всего... Поэтому будем считать, что вопрос со звонком мадемузель д'Ардель закрыт.

– А нападение на наш отель? Как быть с ним? Не кажется ли вам, что противнику стало известно о пребывания в нем обер-диверсанта рейха? Так почему бы, решило их командование, не покончить с ним, да к тому же столь бескровным образом.

Скорцени застегнул френч на последнюю пуговицу и только тогда лениво, неискренне рассмеялся.

– Вы неисправимы, Фрайнштаг. Ваша фантазия возводит меня в ранг наследника австрийского престола, на которого покушается вся авиация западных союзников.

– За престолонаследниками сейчас никто не охотится, – огрызнулась Лилия. – Для воюющих сторон они не представляют никакого интереса.

– Как и моя скромная персона.

– А вот что касается вас, обер-диверсант рейха и «самый страшный человек Европы», то вы как раз вполне можете сойти за человека, убийство которого способно спровоцировать третью мировую войну.

– С вашего позволения, глубокомысленный тезис этот я оспаривать не стану.

– Прежде чем оспаривать, советовала бы вам время от времени почтывать газеты, причем не только германские.

– Дельный совет, – старательно возился с галстуком Скорцени.

– Меня не оставляет предчувствие, что за вами началась настоящая охота. И не только за телом, но, судя по усилиям княгини Сардони, и за вашей душой.

– Причем в случае с княгиней – исключительно за телом, – мрачно отшутился штурмбаннфюрер. – Во всяком случае, так мне кажется.

– Вот именно, всего лишь кажется. Вряд ли княгиня стала бы польщаться вашими телесами, – вновь блеснула своей прирожденной зловредностью Фрайнштаг. – Уверена, что на самом деле она отрабатывает свой хлеб ради иной цели.

«В таком случае встает вопрос: «А кто вы, госпожа Фрайнштаг?» – взглянул на нее из-под нахмуренных бровей обер-диверсант рейха. – Может, вас тоже приставили ко мне? Неужели и за мной тоже пустили по следу соглядатая? Интересно знать, кто посмел? Впрочем, это бред, такого попросту не может быть».

С этой успокоительной мыслью Скорцени прекратил разматывать клубок своих подозрений. Тем более что в ту же минуту вновь ожила телефон.

12

Подняв трубку, обер-диверсант рейха, к своему изумлению, услышал теперь уже хорошо знакомый французский прононс Жанны д'Ардель. Хотя она и не представилась.

– Вам опять повезло, господин Скорцени. На сей раз небесные ангелы тоже обошли вас. А, что вы скажете на этот счет, господин личный агент фюрера?

– Сначала объясните, что вы хотите этим сказать.

– Всего лишь констатирую тот неоспоримый факт, что во время бомбёжки небесные ангелы вас пощадили.

– Почему это огорчает именно вас?

– Вернее, – не отреагировала д'Ардель, – американские штурмовики оказались предельно точными: бомбы легли на западное крыло отеля. В то время как вы пребываете в восточном, более фешенебельном. Правда, они слегка зацепили центральный корпус, но это уже издержки прицельного бомбометания.

– То есть я обязан поверить, что этот налет специально был организован для того, чтобы уничтожить меня?

– Вы невнимательно слушали, Скорцени. Я ведь ясно сказала, что вражеские пилоты нацеливались на западное крыло отеля, и только поэтому ваш, восточный, корпус уцелел. Заокеанские асы оказались настолько аккуратными, что даже центральная часть отеля, отделявшая ваш корпус от обреченного западного, пострадала самую малость. Выходите из номера и убедитесь в этом.

– Да сейчас меня не это интересует, – ужесточил тон штурмбаннфюрер. – Неужели хотите убедить меня, что все три звена бомбардировщиков были посланы специально для того, чтобы разбомбить отель, в котором остановился некий германский офицер?

– У вас появилась маниакальная мнительность, господин штурмбаннфюрер. Никто не стал бы сооружать столь сложную комбинацию, задействовав при этом чуть ли не всю американскую авиацию Южной Италии, только для того, чтобы слегка попугать вас. В действительности они стремились ликвидировать расположенную неподалеку базу катеров, ну, еще потребовать береговые укрепления. Но два пилота получили особое задание: нанести удар по отелю «Корсика», – спокойно, вежливо, словно учительница на уроке чистописания, объяснила д'Ардель. – Очевидно, эти парни отличились недавно во время учебного бомбометания на полигоне, поэтому-то на них и остановили свой выбор.

Только теперь Скорцени вспомнил, что за спиной у него все еще стоит Фрайнштаг. Он оглянулся. Лицо женщины оставалось невозмутимым, однако глаза откровенно смеялись. Впрочем, обер-диверсанта это не обидело, наоборот, он подумал о Лилии с уважением. Не такая уж эта женщина – взбалмошная фантазерка, как могло показаться. Наоборот, это он выглядел наивным, когда пытался разуверить ее в интересе союзнической контрразведки, а теперь уже и авиации, к своей персоне.

– В таком случае вопрос по существу: почему меня не убивают? – Этот вопрос скорее был адресован Лилии, нежели мадемуазель д'Ардель. Однако штурмбаннфюрер произнес его слишком близко от трубки.

– Согласна, со временем ваши биографы станут ломать над этим фактом не только головы, но и перья.

– Вы слишком легкомысленно реагируете на мою просьбу прояснить ситуацию, – начали прорезаться в голосе обер-диверсанта угрожающие нотки.

– Следует полагать, что у вас появился довольно могущественный покровитель, – не стала тушеваться д'Ардель. – Который к тому же прислушивается к советам человека, очень к вам расположенного. Они-то и вступились за вас. Вовремя и решительно.

– Хотите убедить меня, что вы, лично вы, тоже представляете интересы моего покровителя?

– Естественно, представляю, – очень просто и, как показалось штурмбаннфюреру, охотно, согласилась собеседница. – Вот только убеждать вас в этом не собираюсь.

– Тогда что же вам мешает назвать имя этого высокого патрона? Вряд ли подобное покровительство должно оставаться анонимным, поскольку в таком случае оно теряет смысл.

Д'Ардель снисходительно рассмеялась.

– Человек, задающий по телефону такую массу вопросов, явно напрашивается в гости.

– К вам, в гости?! – иронией попытался Скорцени припудрить свое возмущение.

– Жду вас по адресу, который через несколько минут занесет горничная, – простила ему эту бес tactность д'Ардель. – До моей виллы пятнадцать минут ходьбы, тем не менее за вами прибудет бежевый «пежо», за рулем которого совершенно случайно окажется подруга штурмбаннфюрера Умбарта – Марта фон Эслингер. Даю слово, что мы не станем надолго задерживать вас. Скажем, не более получаса. Такой временной расклад вас устраивает?

– Оказывается, вы всесильная женщина: то присыдаете за мной бежевый «пежо» с австрийской аристократкой за рулем; то властным жестом полководца напускаете на меня эскадрильи бомбардировщиков... Я начинаю относиться к вам с уважением.

– Попробовали бы относиться к нам иначе, – опять употребила д'Ардель это подчеркнутое «нам». – Уже пора понять, что времена всесильности абвера и СД кончились. Перелом на разведывательно-диверсионном фронте столь же разителен, как и на всех прочих фронтах. Уж извините...

Почувствовав, что Жанна собирается прервать разговор в самом неподходящем месте, Скорцени наконец поспешил задать тот вопрос, который действительно больше всего интриговал его сейчас.

– Мое согласие или несогласие на визит к вам будет зависеть от вашего ответа.

– Как любезно с вашей стороны!

– Итак, госпожа д'Ардель, мне хотелось бы знать, связаны ли мои покровители с Римом?

Аристократка замялась. Скорцени почувствовал, что в эти минуты д'Ардель в комнате не одна и что она вопросительно смотрит на того, под чью диктовку преподносит ему урок деликатного шантажа. Из тех, которыми он и сам время от времени одаривает слушателей своих диверсионных курсов СД.

– Можете считать, что да, – как-то слишком уж неуверенно подтвердила Жанна. – Для вас это имеет какое-то значение?

– Конечно же, имеет! – камнедробильно пророкоталober-диверсант.

«Неужели папа римский?» – задав себе этот риторический вопрос, Отто Скорцени рассмеялся. Да уж, станет вступаться за него правитель Святого престола, которого он только недавно этого самого престола чуть было не лишил. Но, стоп! Сестра Паскуалина! – вспомнил он о давней пассии папы. Паскуалина Леннарт – вот кто может оказаться тем благоразумным советником, который постоянно подсказывает мстительному патрону католиков, а главное, его кардиналам от службы безопасности Ватикана: «Не горячитесь, этот громила еще может понадобиться нам. Имейте христианское терпение, дайте возможность приобщить этого господина к всесилию ордена нищенского «грозы святого Петра»⁹

---

⁹ «Гроза святого Петра» – так на церковном сленге именуются отчисления, осуществляемые церковными приходами в фонд Ватикана.

13

– Ваша пунктуальность, господин Скорцени, достойна удивления даже в среде пунктуальных германцев, – деловито молвила Марта фон Эслингер, наблюдая, как Скорцени втискивается на сиденье рядом с ней.

Ладно скроенный брючный костюм лишь подчеркивал миниатюрность и изысканность форм этой женщины, хрупкость которой могла восприниматься истинными немками как вызов общепринятой монументальности их бедер и бюстов.

– Да это же вы и звонили мне, фрау Эслингер! Теперь я узнал вас по голосу.

– Конечно, я. Стоит ли подвергать это сомнениям?

– То есть никакой Жанны д'Ардель в природе не существует?

– Не будем спорить с природой.

– И находились при этом где-то рядом с отелем.

– Ничуть не сомневаюсь в вашей прозорливости, – невозмутимо признала Эслингер, срывая с места свой ягуароподобный спортивный автомобиль, не имеющий ничего общего с обещанным бежевым «пежо». – Да, это я звонила и выманивала; и я же отвезу вас к той женщине, свидание с которой способно навеять вам совершенно неожиданные воспоминания.

– Вы так считаете? – усомнился Скорцени, понимая, что имени вновь не услышит. В эти минуты он чувствовал себя прескверно. Его самолюбие оказалось задетым. Игры, затеянные любовницей Умбтарта, он, в принципе, мог бы прекратить мгновенно. Его так и подмывало сделать это. И если бы не желание добраться до «покровительницы»…

– Это не я, это она так считает, – ведать не ведала о его благородном гневе Марта фон Эслингер. – У нее есть для этого все основания.

– Речь идет о Стефании Ламбези?

– То есть имеется в виду княгиня Мария-Виктория Сардона, – с той же стоической невозмутимостью обнаружила свои познания владелица дорогого спортивного автомобиля. – Не возражаю, в этом контексте уместно вспомнить и ее имя. Но вы прекрасно знаете, что сейчас она пребывает где-то на севере Италии. Возможно, уже на своей вилле «Орнезия». Словом, немного терпения, господин штурмбаннфюрер; еще немножечко терпения…

Пока она лихо выводила своего мустанга из крутого виража, в который вошла на серпантине горы, Скорцени успел внимательно присмотреться к ее внешности. Короткий, с чуть очерченной горбинкой носик, худощавые смуглые щеки, узкий, почти не выступающий подбородок. Абсолютно ничего привлекательного! А ведь о страсти этой женщины, любовницы штурмбаннфюрера Умбтарта, в Корсиканской бригаде СС ходили легенды. Вот что значит познать женщину в постели. И тем не менее… Ну, абсолютно ничего сногшибательного.

– Пытаетесь понять, что такого особенного мог найти в этой женщине, во мне то есть, ваш коллега и земляк Умбарт… – с ироничным упреком раскрыла его терзания Марта. – Не утруждайтесь, для меня самой это тоже загадка. Злые языки утверждают, что ему льстит забавляться в постели с австрийской аристократкой. Как вы… допускаете такое?

– Я допускаю все, что угодно, пока не сумею убедиться в его ложности. Приемлемая формулировка?

…Небольшая двухэтажная вилла, обнесенная металлической оградой, словно крепостным частоколом, располагалась между тремя размытыми холмами, каждый из которых представлял собой особый природный мир – со своим ландшафтом, растительностью и даже цветом. Один представлял в бутафорном подобии скалы, другой был засажен молодым садом, третий напоминал пепельный осколок кратера давно потухшего вулкана.

– Возводить виллу в такой монашеской унылости, когда в полумиле – залив лазурного безмятежья?.. – пожал плечами Скорцени.

– Местность тоже не в моем вкусе, однако же вилла, как вы понимаете, не моя. Всего лишь арендую часть ее.

– Вот почему штурмбаннфюрер Умбарт слывет человеком, погрязшим в бедности, скучности и долгах.

– По крайней мере, по этому поводу вам уже не придется прибегать к донесениям агентуры, – беззастенчиво хихикнула разорившаяся аристократка. – Другое дело, что вам непременно сообщают: «Марта фон Эслингер – австрийская националистка, сепаратистка и масонка».

– Почти традиционный набор обвинений врага рейха, – признал штурмбаннфюрер.

– Однако опыт господина Шварца, владельца отельного поместья «Корсика», свидетельствует, что с некоторых пор к подобным слабостям своих земляков Отто Скорцени относится почти с библейским милосердием.

– А еще он свидетельствует о том, что Скорцени тоже не чужды некоторые непростительные слабости.

– Так уж и «непростительные»?

– Послушайте, госпожа фон Эслингер, – сказал штурмбаннфюрер, выходя из машины и мгновенно примечая, что в беседке, просматривающейся между кустами, притаился охранник, – кажется, вы не понимаете, что ни тот амбал, который притаился в беседке, ни два дебила, которые после третьего выстрела высунут свои головы из жилого здания, не помешали бы мне пристрелить вас прямо здесь же, под венецианской аркой входа на виллу.

– Почему вы предполагаете, что я не осознаю этого? – вздрогнула фон Эслингер, совершенно не ожидавшая, что их полусветская беседа в машине завершится столь ужасным «дипломатическим разъяснением». – Просто мне казалось, что вы прибегнете к своим угрозам еще там, у отеля. А пристрелите – на одном из поворотов, у обрыва или у зарослей. Более неудачного места для зачтения приговора, чем подъезд виллы, даже трудно себе представить.

– Это пока еще не приговор, а обычная констатация реалий.

– Так, мы все же войдем в здание или будем митинговать у ворот? – Марте фон Эслингер понадобилось немало усилий, чтобы заставить себя улыбнуться, однако улыбки как таковой не получилось.

– Войдем, естественно.

– Странные вы, мужчины: одни, садясь рядом со мной в машину, начинают нервно ощущать мои коленки, другие, столь же нервно, – кобуры своих пистолетов. Даже не знаешь, на кого из вас злиться, а кому сочувствовать. Между тем на втором этаже, в комнате для молитв и покаяний, существует здесь и такая, вас, Отто, с огромным нетерпением ожидает госпожа Леннарт.

– Простите, не понял?

– Я сказала: вас ждет госпожа Леннарт. Вот уж не думала, что, услышав имя «папессы», вы решитесь переспрашивать его.

– Но в это невозможно поверить. Госпожа Леннарт, «папесса», здесь? – с непосредственностью провинциала ткнул он пальцем в сторону виллы. – Как она могла оказаться на острове? Я спрашиваю совершенно серьезно, – повысил голос Скорцени. – Хватит с меня на сегодня мифической мадемуазель д'Ардели.

– Прекратите, господин Скорцени! – вдруг возмутилась Марта фон Эслингер. – Спрашиваете, как она могла оказаться на острове? Но ведь вам сие должно быть известно лучше, нежели мне. Кто здесь олицетворяет службу безопасности рейха: я или вы?

От неожиданности штурмбаннфюрер замялся.

– А что вы хотите от мужчины, который столько времени нервно рассматривал ваши коленки, не решаясь притронуться к ним? – наконец нашелся он.

– Вот вам урок, Скорцени: нельзя обер-диверсанту рейха менять разлагающий климат Италии на не менее разлагающий климат Корсики. Надеюсь, услышав имя «бедного, вечно

молящегося монаха Тото», переспрашивать его вы уже не решитесь. И не только потому, что постесняетесь моей въедливой ухмылки.

14

Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что Марта фон Эслингер не лгала: там, в глубине комнаты, почти у самого окна, между огромной, на всю высоту стены, картиной «Мадонна с младенцем» – и небольшой кафедрой для чтения Библии и покаяний, действительно стояла Паскуалина Леннарт. Обер-диверсант рейха признал ее как-то сразу же, еще даже не разглядев как следует лица; признал, несмотря на то что сейчас она была одета в длинное светское платье, очень напоминающее платья придворных дам прошлого столетия.

– Да хранит вас Господь, Скорцени, – негромко и взволнованно проговорила «папесса», осеняя приблизившегося штурмбаннфюрера крестоналожным движением руки. – Уверена, что вы будете снисходительны к слабой женщине и не станете обвинять в той настойчивости, которая была проявлена мною в попытке встретиться с вами.

– Как снисходительны были и вы ко мне, когда какое-то время назад я столь же настойчиво прорывался к вам, в резиденцию папы римского «Кастель Гандольфо». Вот что значит быть дальновидно терпимым к порывам и порокам друг друга.

– Вы заговорили устами библейского мудреца, – улыбнулась «папесса». – Это уже кое о чем свидетельствует.

– Вот именно: «кое о чем», – учтиво склонил голову Отто.

Сменив одеяние, Леннарт и сама в какой-то степени изменилась: теперь перед Скорцени представляла не монахиня, а вполне симпатичная светская женщина, с коротковато стриженными, крашеными рыжеватыми волосами, которые свидетельствовали о попытке скрыть возрастной налет. А щедро напудренное симпатичное лицо, со слегка расширенным вздернутым носиком, и умопомрачительные духи, создающие вокруг Паскуалины томное благоухание, – точно так же свидетельствовали о жестком намерении любой ценой понравиться мужчине. Пусть даже погрешив против канонов монашеского сана.

Впрочем, на то она и «папесса», – личный секретарь, личная медсестра и просто любимая женщина папы римского, – чтобы позволять себе то, что непозволительно другим женщинам из папского окружения.

– Все это похвально, господин Скорцени. Поэтому уверена, что вы также простите мне и то, что в разговоре с вами я представилась госпожой д'Ардель.

– Так это были вы?! Именно вы, а не госпожа Эслингер?

– Если синьора Эслингер уверяла вас в обратном, то, несомненно, взяла грех на душу, – успокоительно улыбнулась Паскуалина.

«Еще один грех, на свою несчастную, истерзанную...» – вполне реалистично представил себе Скорцени, как бы капризно пожаловалась в данном случае на судьбу сама Марта.

– Впрочем, согласитесь, что существуют женские грехи, которые способен прощать не только Господь, но и всякий великолдуший мужчина.

– Теперь все прояснилось. Француженка, говорящая на немецком, с убийственным для берлинского слуха австрийским акцентом, – мягко улыбнулся штурмбаннфюрер, принимая предложение «папессы» отойти от «Мадонны» и распятия и присесть за небольшой столик. – Признаю, сногшибательная конспирация.

Скорцени, конечно же, слегка плутовал против правды: никакого особого австрийского акцента в речи фрау Леннарт не сохранилось. Однако решил: пусть «папесса» считает, что все равно он «расшифровал» бы владелицу телефонного голоса, а его появление здесь – своеобразная игра в поддавки. Обер-диверсант еще только обдумывал, как вести себя с этой приближенной не только к папе римскому, но и к самому Господу, женщиной дальше, как неожиданно открылась дверь, и на пороге возникла Марта фон Эслингер.

«А вот и она, виновница этого “торжества”! – мысленно ухмыльнулся штурмбаннфюрер. – И, в невозмутимости своей, вновь предстает в ипостаси агнца Божьего».

– Стол накрыт, фрау Леннарт, – объявила вошедшая, склоняя голову перед «папессой» и напрочь игнорируя присутствие Отто.

В то же время он заметил, как взгляды женщин встретились и на несколько мгновений застыли. Это был обворожительный и бессловесный говор двух соперниц-единомышленниц. Поняв это, штурмбаннфюрер как-то сразу же почувствовал себя неуютно.

Вежливо предложив Скорцени перейти в соседнюю комнату, то есть последовать за фон Эслингер, «папесса» тем не менее позволила себе нанести очередной удар:

– Не волнуйтесь, господин штурмбаннфюрер, я не стану напоминать о том, что в резиденции папы вы представали передо мной в роли некоего доктора Рудингера, консультанта строительной фирмы «Вест-Конкордия» из, если мне не изменяет память, города Санкт-Галлена.

– Вот такой вы мне нравитесь больше, – уже откровенно рассмеялся Скорцени и с трудом сумел спохватиться, поскольку чуть было не положил руку на ее плечо. Вовремя сдержавшись, он сконфуженно взглянул на «папессу»:

– Великодушно простите, фрау Леннарт.

– А почему вы считаете, что мне не нравится… нравиться вам? – спокойно отреагировала на это Паскуалина, предусмотрительно, однако, отдаляясь от гиганта, которому едва достигала до плеча.

Стол был сервирован в сугубо корсиканском духе: две бутылки вина, три вида овощных салатов и два щедро политых вином куска жареной говядины.

– Неожиданно все это, – признал Скорцени, окидывая взглядом стол пиршства на двоих. – Все неожиданно: звонок, поездка, стол, общество…

– Война завершается, однако нас с вами по-прежнему ожидает много всяческих, больших и малых, потрясений.

Появился слуга и принялся медленно, вальяжными движениями наполнять бокалы. Обер-диверсант, возможно, не обратил бы на это внимания, если бы с первых же мгновений не признал в нем «бедного, вечно молящегося монаха Тото». Другое дело, что сам английский разведчик оставался совершенно безразличным к нему, и Скорцени вынужден был вести себя соответственно. На этой вилле они как бы находились на нейтральной территории, в которой действовало табу на любое противостояние агентов служб безопасности. Эдакая святая обитель диверсантов, в которой они очищаются под сенью неприкословенности.

Единственное, что бросилось штурмбаннфюреру в глаза – в этот раз Тото был облачен в великолепно скроенный светский костюм, и когда он наклонялся, чтобы переставить прибор, рукоять одного пистолета выступала из-под брючного пояса, другого – из заднего кармана.

– Правда, нам стало известно, что тучи, которые сгущались над папой римским, теперь уже окончательно развеяны, – Паскуалина настороженно взглянула на Скорцени и, выждав, пока Тото удалится, продолжила: – Как известно и то, что вы не настаивали на продолжении этой антихристианской акции фюрера – похищении папы. Скорее наоборот…

– Скорее наоборот, – кротко признал обер-диверсант. – Эта акция не нравилась мне с самого начала, в самом ее замысле.

– Почему не заявили об этом сразу же, господин Скорцени? – укоризненно покачала головой «папесса».

– Выступить по радио с осуждением приказов фюрера? – саркастически подергал исполосованной шрамами щекой обер-диверсант.

– Ваше понимание юмора мне знакомо, – невозмутимо заверила его Паскуалина. – Но если на несколько минут отвлечься от него… Всего лишь следовало сообщить мне о вашей позиции. Еще тогда, во время встречи в резиденции папы.

– Не представлялось возможным, госпожа Леннарт. Ситуация была иной. Все прояснилось значительно позже.

– Вы правы: ситуация представлялась совершенно иной. Но мы чуть было не приняли против вас ответные меры. Лицом против вас, – их взгляды скрестились и замерли.

– Мир не понял бы вас, если бы подобные контрмеры приняты не были. Если бы не последовала попытка… принять их.

– Но видит Всевышний, что я была… решительно против каких-либо… контрмер, – медленно, с расстановкой, произнесла Паскуалина, стараясь таким образом придать значительности каждому своему слову. – Очень решительно… выступала против идеи убрать вас еще до того, как вы со своими диверсантами подступитесь к резиденции папы.

– С чего вдруг такое сердеболие?

– Если бы я представляла в другой ипостаси, то ответила бы сугубо по-женски, что в какой-то степени вы понравились мне.

– Но это было бы неправдой.

«Папесса» многозначительно улыбнулась и неопределенно как-то покачала головой.

– Ну, скажем так, не совсем правдой. С одной стороны, мне очень хотелось, чтобы это противостояние между вами и папой завершилось именно таким образом, как оно и завершилось.

– То есть «ни миром, ни войной».

– Чтобы Гитлер отозвал вас из Италии, – откорректировала его ответ Паскуалина, – поскольку сам отказался от своей затеи. С другой же стороны, я понимала: если вас убрать, Гитлер напустит на папу целую стаю других диверсантов и просто наемных убийц. И тогда уже все мосты, ведущие к примирению, будут, пользуясь вашей же терминологией, взорваны.

15

Они выпили немного вина и с минуту молча колдовали над салатом. Тишина, царившая в это время в комнате, как и во всем здании, была подобна тишине монастырской кельи.

Застолье начинало напоминать тайную вечеринку с дамой. Скорцени все еще не до конца уяснил для себя, почему Паскуалина решилась на приезд на Корсику и на этот странный визит. Однако уже прекрасно понимал, чем «папесса» рискует, если их встреча станет известной журналистам.

– Когда после войны по отношению к вам лично мир окажется еще более ожесточенным, чем сейчас вы – по отношению ко всему остальному миру, вы неминуемо вспомните об Италии, обо мне, о папе римском, а главное, о папской резиденции «Кастель Гандольфо». Не зарекайтесь, штурмбаннфюрер, не зарекайтесь, – с чисто женской суеверностью упредила она выражение Скорцени. – Еще неизвестно, как все сложится.

– В любом случае я буду помнить о вашем снисхождении ко мне, фрау Леннарт.

– Пока что рассчитываю на то, что и сейчас, в это очень смутное время, когда к власти на севере Италии вновь вернулся этот мерзавец Муссолини, жизнь папы будет оставаться в безопасности. Для нас не секрет, что Муссолини считает папу римского таким же врагом, как и короля, вместе с маршалом Бадольо, которые в свое время свергли и арестовали его. Хотите не согласиться со мной?

– Не вижу оснований, – передернул могучими плечамиober-диверсант рейха.

– Однако дуче вряд ли осмелится предпринимать что-либо против Святого престола без вашего, штурмбаннфюрер, одобрения и соучастия.

«Так вот оно в чем дело! Вот почему мятежная «папесса» решилась на приезд сюда и встречу с «первым диверсантом рейха», как именовали тебя римские газеты после освобождения твоим отрядом из-под ареста самого дуче».

Скорцени с самого начала их встречи предполагал, что дело обстоит именно так. Но это было всего лишь предположение. Теперь же он как-то сразу почувствовал себя увереннее. И даже не от того, что ему ничего больше не угрожает на этой напичканной людьми «папессы» и монаха Тото вилле, из которой он теперь сможет уйти, сохранив достоинство. А скорее от осознания, что загадка, которая мучила бы его еще, наверное, очень долго, оказалась «разгаданной» самой Паскуалиной – ясно, недвусмысленно и весьма доходчиво.

– Простите за комплимент, синьора Леннарт, однако вы – мужественная женщина.

– Вот этого не нужно, – предостерегающе помахала рукой Паскуалина, пытаясь остановить его, но Скорцени почему-то вдруг решил до конца излить свои чувства к ней.

– Сие не должно смущать вас, госпожа «папесса» – слегка улыбнулся он, – поскольку речь идет вовсе не о комплименте. Я слишком хорошо изучил историю вашего знакомства с Эудженио Пачелли, то есть с будущим папой, и вашего совместного восхождения к папскому престолу, – чтобы оскорблять вас подобными комплиментами. А что касается безопасности папы римского, то я гарантирую ее лишь настолько, насколько способен гарантировать.

Взгляд Паскуалины вновь излучил признательность.

– Пока мы тут расточаем друг перед другом комплименты и заверения, союзники уже входят в Рим и движутся в направлении Флоренции, – голос «папессы» стал сухим иластным, привыкшим диктовать условия. – Вскоре Германия лишится своего самого мощного союзника. И притом, кажется, последнего, если не считать очень ненадежную Венгрию, склонную к тому, чтобы захлебнуться в собственной гражданской войне. Вот о чем вы должны подумать сейчас, господин Скорцени.

Штурмбаннфюрер молча кивнул и несколько минут с самозабвением гурмана предавался жареной говядине. Что касается Паскуалины, то она не столько ела, сколько, не стесняясь,

созерцала буйство аппетита своего гостя. Ей откровенно нравилось наблюдать проголодавшегося мужчину, с благодарностью пожирающего все, что только выставлено перед ним на столе. Возможно, в эти минуты она даже не осознавала, насколько это заметно со стороны.

– Могу ли я позволить себе еще один очень важный, принципиальный вопрос? – все же нашел Скорцени мужество прервать акт утоления голода.

– Мне неизвестно, о чем вы хотите спросить меня, но твердо знаю, что неминуемо жаждете услышать, – слегка смягчила тон Паскуалина.

– И что же я жажду услышать? – принял условия игрыober-диверсант рейха.

– Сообщение о том, что папа получил твердые гарантии англо-американского командования: «Как бы ни разворачивались в будущем события вокруг Рима, обладатель Святого престола от них не пострадает, притом что Ватикан, со всеми его службами, а также находящиеся на его территории граждане сохранят свою неприкосновенность». – Паскуалина вызывающе улыбнулась, наблюдая, какое впечатление производят ее слова наober-диверсанта рейха, и продолжила: – Из этого следует, что государство Ватикан может оказаться единственным островком, благодаря которому германцы, нуждающиеся в личной защите и в защите своих капиталов, смогут рассчитывать на покровительство папы и... даже самой «папессы».

– Особенно «папессы», – благодарственно подчеркнул штурмбаннфюрер СС. – Что очень важно для нас.

16

*Осень 1944 года. Берлин.
Главное управление имперской безопасности рейха*

…После африканского рейда и встречи с Гиммлером прошло более года. Порой Шмидту казалось, что в пылу военной горячки и в рейхсканцелярии и в штабе СД давно позабыли и о нем, и о сокровищах Роммеля. Служить ему теперь выпало начальником штаба полка ваффен СС, расквартированного почти на самой бывшей границе с Данией, под Фленсбургом, а поскольку командира полка вскоре должны были отозвать в Берлин, то Шмидт всерьез рассчитывал на повышение.

И вдруг этот вызов в Главное управление имперской безопасности…

«Если вслед за похищением Муссолини первый диверсант рейха, – размышлял барон, сидя в вагоне поезда, приближающегося к Берлину, – решит похитить под носом у союзников контейнеры с африканскими сокровищами и прикажет ему, барону фон Шмидту, возглавить поисковый отряд, это окажется лучшим, спасительным, вариантом исхода их встречи. Но если же Скорцени намерен всего лишь заполучить карту, то он ее не получит».

В свое время барон четко выполнил приказ Гиммлера: «На своей карте вы укажете все мыслимые ориентиры и тотчас же спрячите ее. Спрячите так, чтобы о месте знали только вы и я. Вы – и я. И никто больше. Ни под каким предлогом. Это мой приказ, оберштурмбаннфюрер. Это… мой… приказ», – чеканил он каждое слово.

Шмидт, конечно же, с удовольствием отдал бы эту карту Гиммлеру и таким образом избавился от одной из самых драгоценных тайн рейха, хранить которую с приближением мира становилось все опаснее. Но пока что рейхсфюрер не потребовал этого. Скорцени, конечно, может получить копию карты от Крона, или, точнее, уже от Роммеля. Но, увы, без ориентиров.

– Берлин! – объявил проводник, как только поезд приблизился к столичному перрону.

«Берлин… Карта… Великосветское деръ-рымо! – молвил про себя, словно заклинание, фон Шмидт. – Главное – уцелеть. После войны я сумею извлечь эти драгоценности без каких-либо карт. Со дна… Без какого-либо снаряжения… На ощупь!»

…А буквально за час до того, как оберштурмбаннфюрер фон Шмидт должен был ступить в кабинет Скорцени, начальнику диверсионного отдела РСХА доложили, что бывший командир линкора «Барбаросса» и «Африканского конвоя Роммеля» неожиданно покончил с собой.

– Нет, Родль, мы никогда не сможем смириться с потерей такого командора, – скрупульно покачал головой первый диверсант рейха, выслушав этот скорбный доклад адъютанта. – Когда старый моряк уходит из жизни за два дня до присвоения ему чина контр-адмирала – это непостижимо.

– Уверен, что командование военно-морских сил потрясено непродуманным шагом командора Аугштайна не меньше нас.

– Кстати, кто именно сообщил вам об этом прискорбном происшествии, адъютант?

– Обер-лейтенант Кремпке.

– Понятно: тот самый сын ювелира, который был в составе охраны африканского груза…

Они оба глубокомысленно помолчали. «Кто сообщил о самоубийстве Аугштайна, – размышляли они, – тот и является организатором этого “самоубийства”. Но стоит ли напоминать об этом друг другу вслух?»

– А что сам обер-лейтенант? – поинтересовался Скорцени.

– Я подсказал его начальнику, чтобы завтра же он был отправлен на фронт. Но уже с повышением в чине. Парень явно засиделся в тылу, как, впрочем, и в обер-лейтенантах.

– Надеюсь, он не пойдет по стопам командора и не лишит себя удовольствия дождаться этого повышения?

– Опасаюсь, что волна самоубийств, образовавшаяся в кругу людей, так или иначе причастных к доставке из Африки сокровищ фельдмаршала Роммеля, может перерости в эпидемию. Мы и так уже потеряли шесть человек. Не считая тех восьми, которые погибли не по своей воле, пусть даже и не в боях.

– Ничего не поделаешь: поиски кладов всегда связаны с легендами и потусторонней силой.

– Причем непременно с потусторонней. – Они обвели пространство вокруг себя такими взглядами, словно собирались тотчас же приняться за изгнание бесов. – Однако по стопам своего командора обер-лейтенант Кремпке не пойдет. Хотя кто знает… Они ведь познакомились еще в Тунисе.

– Это обстоятельство как-то связано с гибелью самоубийцы? – насторожился Скорцени.

– Этот обер-лейтенант явно пришелся по душе командору… Уже хотя бы тем, что обратился с просьбой помочь перевести его на службу во флот.

– Но ведь согласитесь, Родль, такое обращение не могло не тронуть заскорузлую душу старого морского волка.

– Обязано было тронуть, – уточнил адъютант. – Однако командор и пальцем не пошевелил, чтобы помочь пехотинцу обрести свои паруса.

– Что-то вы темните, Родль, – поморщился самый страшный человек рейха, напоминая адъютанту, что тот слишком отвлекся от темы. Но адъютант не смущился.

– Видите ли, господин штурмбаннфюрер, познакомившись с Кремпке, я посоветовал ему вновь обратиться к командору с той же просьбой. Тем более что после ранения Аугштайн отдыхал в своем деревенском доме неподалеку от Шведта, что рядом с местом службы Кремпке. Ну а сам обер-лейтенант, как известно, служил в гарнизоне подземного города СС, так называемого «Лагеря дождевого червя»¹⁰.

– Вот оно что! Примечательная деталь. И что же происходило дальше?

– Получив отпуск, Кремпке сразу же отправился в гости к командору.

– Как же вы утомили меня своими подробностями… – снова поморщился Скорцени.

– Всего лишь хочу подчеркнуть заслуги Кремпке, – лукаво ухмыльнулся адъютант.

– У оберштурмбаннфюрера СС фон Шмидта заслуг не меньше. Позаботьтесь, чтобы мы встретились с ним на одной из наших городских квартир.

– Например, на квартире Лилии Фрайнштаг…

– Жестокий же вы человек, Родль, – покачал головой Скорцени, давая понять, что своим предложением тот вызывает у него бурю всяческих воспоминаний и эмоций. – Но считайте, что разрешение вы получили.

«Квартирой Фрайнштаг» они называли обиталище, в которое Скорцени впервые поселил свою любовницу,unterштурмфюрера Лилию Фрайнштаг, когда она только появилась в Берлине. Это была одна из секретных квартир отдела диверсий СД, которую они использовали в крайне редких случаях – когда нужно было «отдышаться» одному из агентов или провести тайную встречу.

– Кстати, как там живает еще один хранитель сокровищ Роммеля, недавно произведенный в новый чин? Имею в виду полковника Крона?

Замешательство Родля продолжалось недолго. Он давно взял в свои руки опеку надо всеми, кто так или иначе оказался причастным к «африканскому кладу». И постепенно Скорцени с удивлением открывал в нем гениального организатора всевозможных акций «по устра-

---

¹⁰ «Лагерь дождевого червя» – такое название получил подземный лагерь, собственно, целый подземный город СС, созданный немцами на территории нынешней Польши.

шению и исчезновению». Родль умел делать это, привлекая агентов Скорцени, но так, что при этом и сам он, и шеф оставались в тени. В то время как «лишние люди» исчезали совершенно естественным образом, безо всякой огласки.

– Стало известно, что на днях Крон побывал на встрече с фельдмаршалом Роммелем.

– Напрасно вы иронизируете, адъютант. Как известно, Лис Пустыни всегда был гостеприимным хозяином.

– Особенно, когда приглашал господина Крона. Ибо его гостеприимство, как надеется Роммель, будет оплачено из корсиканских тайников.

– То есть хотите сказать, что на барона фон Шмидта Роммель не рассчитывает?

– Но ведь и мы с вами, господин штурмбаннфюрер, вряд ли станем рассчитывать на услуги Крона.

– Как не станем мириться с тем, что полковник и впредь будет путаться у нас под ногами, дьявол меня расстреляй. Да к тому же пользоваться покровительством влиятельного полководца.

Их взгляды встретились лишь на какое-то мгновение. Но этого было достаточно, чтобы Родль воспринял слова шефа как приказ убрать полковника. В таких случаях Скорцени всегда недоговаривал, чтобы при необходимости сделать удивленный вид и, избежав каких-либо обвинений, спросить у того же адъютанта: «А кто, собственно, приказывал? Как вы могли решиться на такое?!»

Но Родль не роптал. Он понимал: такова уж судьба всякого адъютанта, тем более если ему выпало быть адъютантом «первого диверсанта рейха».

– Может, поручить это самому Шмидту? Или, точнее, предоставить такую возможность? Он ведь человек неглупый: зачем ему конкурент?

– Барон не пойдет на это. Да и к чему усложнять? Другое дело, что Шмидт должен одним из первых узнавать об исчезновении очередного офицера, посвященного в тайну корсиканского клада.

– Что, конечно же, будет производить на него неизгладимое впечатление, – согласился гауптштурмфюрер Родль.

17

Проснувшись в своем номере отеля, Шмидт приподнялся на локте и какое-то время всматривался в окно, занавешенное пеленой осеннего тумана, щедро замешанного на удушливом берлинском смоге. Всю ночь ему снилось, что он плывет на корабле, том самом, что увозил африканские сокровища фельдмаршала; поэтому даже теперь, проснувшись, все еще чувствовал себя так, словно, сдерживая тошнотную усталость качки, смотрит в иллюминатор своей каюты.

«Только вот подполковника Крона ни в этой каюте, ни вообще на корабле уже нет, – напомнил себе барон. – Как нет уже и обер-лейтенанта Кремпке, командора Аугштайна, а также подавляющего большинства солдат охраны и членов экипажа линкора».

– Каждый бриллиант должен погубить столько жизней, сколько в нем каратов, – изрек марокканский ювелир-араб, у которого Шмидт, по поручению Роммеля, консультировался по поводу двух камней, чья ценность показалась фельдмаршалу сомнительной. – Лишь после этого он приобретает свою истинную красоту и очаровательность. Вот только…

– Что «вот только»?.. – подбодрил его барон, поняв, что многозначительное молчание ювелира затягивается.

– Бриллиант – минерал небесный. Не знаю, с какими силами он связан, однако… Достигнув своего совершенства, он, как правило, достается отъявленнейшему из негодяев.

– Странная особенность…

– Скорее закономерность. Вам известно, почему Наполеон остался без короны и без империи? – спросил тогда ювелир, уже прощаясь с бароном. – Вы, конечно, скажете, что причиной явилось его поражение в битве под Ватерлоо.

– Неважно, что скажу я, важно, что говорят историки. Они же в один голос твердят именно о ней, о битве под Ватерлоо.

– Не уточняя при этом, что поражение под этим селением – не причина, а следствие. Причина же кроется в том, что императору подсунули известный своей черной силой бриллиант «Регент», которым он приказал украсить рукоять шпаги. На «Регенте» уже была кровь человека, нашедшего этот камень. Однако в нем таилось слишком много каратов, чтобы он мог удовлетвориться одной жертвой.

– Если этот ювелир прав, то сколько же тогда жизней понадобится, чтобы искупить кровью все сокровища Роммеля?! – вслух ужаснулся барон фон Шмидт, поднимаясь со своей «усыпальницы» и принимаясь за утренний туалет. – А главное, кому же они в конце концов достанутся? Кто тот «отъявленнейший из негодяев», в чье владение они в конечном итоге перейдут?!

Человек, задавшийся подобным вопросом, обязан был тут же впасть в философские раздумья, но в последнее время Шмидт старался избегать их. Особенно после того хмельного раздумья, в которое он впал, узнав о смерти Аугштайна, бывшего командира линкора «Барбаросса».

– А теперь скажи мне, – обратился он к своему отражению в мутноватом зеркале, у которого брился. – Перед судом Господа и Сатаны ты, лично ты, за такого, «отъявленнейшего», сойти смог бы?

– Задатки, в общем-то, есть, – ответил сам себе после некоторого колебания. – К тому же пока еще остается время, чтобы развить их.

Адъютант Родль оказался подчеркнуто пунктуальным: телефон ожила ровно в девять, как только Шмидт успел запить свой с вечера приготовленный бутерброд с колбасой холодным кофе из небольшой фляги. К еде он всегда старался относиться по-спартански.

— Как бы вы ни удручались по этому поводу, господин оберштурмбаннфюрер, заниматься вами поручено почему-то мне, — явно старался подражать своему командиру гауптштурмфюрер. Однако после всех тех подробностей, которые всплыли в связи со смертью командора, фон Шмидт готов был простить гауптштурмфюреру любые его вольности.

— Наоборот, это воодушевляет меня, — почти искренне заверил барон.

— Тогда спускайтесь вниз, я жду вас у машины.

Выходя из отеля, Шмидт с опаской покосился на двух верзил в штатском, равнодушно посматривавших в его сторону.

— Это мои парни, — успокоил его адъютант Скорцени. — «Коршунам Фриденталя» порой не мешает испытать себя в роли телохранителей. Тем более — телохранителей самого барона фон Шмидта. Не возражайте, барон: все устроено так, как было приказано Скорцени, — личная охрана, эскорт мотоциклистов, «Баденвайлерский марш»¹¹ и прочие атрибуты...

Ни эскорта, ни марша не последовало, зато эти двое громил сели в такой же подержанный «опель», в каком прибыл Родль, и принялись неназойливо сопровождать. Вначале адъютант внимательно наблюдал за их машиной, затем попробовал оторваться, чем очень заинтриговал Шмидта, наконец выругался и заявил:

— Придется изменить маршрут и заманить их к Главному управлению имперской безопасности.

— Так это что, слежка?! — изумился Шмидт. — На самом деле это не ваши люди?

— Будем считать их «почетным караулом».

— Но это немыслимо: в центре Берлина — слежка за машиной Скорцени! Кто может позволить себе такое?!

— Ну, о том, что это одна из машин Скорцени, им еще только надлежит узнать. Точно так же, как Скорцени интересно будет узнать, кого представляют сами эти молодчики.

— Вы же сказали, что это личная охрана, приставленная самим Скорцени. Но это же... великосветское дерь-рьмо!

— Лестный отзыв об адъютанте Скорцени, — невозмутимо улыбнулся Родль.

— Я-то имел в виду не вас, — своеобразно извинился Шмидт, — а то окопное дерь-рьмо, которое преследует нас.

— Что, конечно же, смягчает вашу участь. Тем более что слежка была установлена не за машиной Скорцени и уж, конечно же, не за мной.

— То есть хотите сказать, что эти люди следят за мной?! — удивленно уставился барон на своего опекуна.

— ...А вот кто именно пустил этих гончих по вашему следу, нам еще только предстоит выяснить.

В двух кварталах от здания Главного управления имперской безопасности Родль завел машину в огромный внутренний двор и, петляя по нему, остановился у одного из подъездов. Машины преследователей видно не было, но Родль не сомневался, что они где-то рядом.

На дверной звонок отозвались четверо громил, на полуписьменных рожах которых выражение вины за свое существование слегка затуманивалось еще более выразительным желанием мгновенно выполнить любой приказ повелителя.

— Пьянистуете, мерзавцы? — незло поинтересовался Родль.

— Никак нет, — вяло возразил один из обитателей этого тайного лежбища СД — по-цыгански черноволосый и черноглазый.

— Как приказано, находимся в карауле, — принялся объяснять второй, приземистый, с квадратной, небрежно вытесанной Всевышним фигурой.

---

¹¹ В Третьем рейхе «Баденвайлерский марш» был официально объявлен «маршем фюрера» и его предписывалось исполнять в особо торжественных случаях, даже если сам фюрер на торжествах не присутствовал.

– То есть, конечно же, пьяствуем, – свел на нет эту попытку черноволосый. – Потому что от безделья.

– Сейчас здесь появится машина с людьми, которые следили за нами. Обоих сыщиков нужно загнать в ловушку.

Один из охранников сразу же метнулся к воротам, чтобы закрыть их, как только во двор въедет машина преследователей. Остальные пятеро, включая Родля и Шмидта, приготовили оружие и притаились за порталами маленького дворика, в котором нашел приют «опель» Скорцени. Не прошло и трех минут, как тех, из «опеля»-преследователя, заставили выйти из машины; ничего не объясняя и не выясняя, сбили с ног, оглушили и уволокли в «караулку».

– Они, красавцы, считали, что мы будем вести их с собой до здания на Принцальбрехтштрассе, а то и до нашей явочной квартиры, – воинственно осклабился Родль, вновь возвращаясь за руль и приказывая барону сесть на свое место.

– И все же что это за люди? – полюбопытствовал фон Шмидт.

– Как я уже сказал, это не моя, а ваша «личная охрана», барон, – спокойно просветил его гауптштурмфюрер, выводя машину из дворика, а затем – и из большого двора, на улицу. – А эти три соединенных друг с другом внутренних дворика, в придачу с «караулкой», – ловушка диверсионной службы СД, точнее, одна из ловушек, в которые мы заманиваем такие вот «хвосты». Ну а потом, в «караулках», начинаем основательно интересоваться всяkim, кто пытается интересоваться нами.

– Что же у вас здесь происходит, черт возьми?! Они ведь тоже германцы.

– Будем надеяться, что не англичане. И тем более – не русские. Хотя все может быть. Когда речь идет о сокровищах фельдмаршала, среди преследователей могут оказаться даже кардиналы из окружения папы римского.

– Считаете, что и эти шпионские страсти тоже связаны с африканскими сокровищами фельдмаршала?

– Не пытайтесь мнить себя резидентом разведки Сталина, за которым следует половина Берлина. Конечно же, с сокровищами, а не с вашей особой как таковой. Кстати, я не зря упомянул о кардиналах. Нам уже абсолютно точно известно, что служба разведки Святого престола всерьез заинтересовалась северной частью Корсики и очень хотела бы заполучить карту с местами затопления контейнеров и наземными тайниками.

«Разве у папы римского тоже имеется своя разведслужба?! – хотелось воскликнуть фон Шмидту. – Такого просто не может быть!» И если он сдержался, то лишь потому, что не желал выглядеть в глазах Родля законченным идиотом. Тем не менее адъютанту Скорцени удалось перехватить его взгляд.

– Ваша реакция меня не удивляет, – успокоил он «корсиканского мореплавателя». – В службе внешней разведки СД привыкли удивляться и не таким вещам.

– Нет, но это и в самом деле немыслимо: разведка Святого престола, личные агенты папы римского...¹²

– Чтобы успокоить вас, замечу, что разведка Ватикана – одна из самых древних и эффективных в мире. Слишком много агентов в сутанах, слишком много исповедей им приходится выслушивать.

---

¹² Во время Второй мировой войны в Ватикане (папой римским был тогда Пий XII) действовала «специальная церковная сыскная служба», которая носила название «Содалициум пианум» и во главе которой стоял яростный приверженец фашизма прелат Бенини. Создана была эта служба еще папой Пием X для выяснения настроений среди церковников-«модернистов», пытавшихся ревизовать некоторые христианские догмы, и для их «нейтрализации», однако вскоре она приобрела все признаки классической разведслужбы. И сила ее заключалась в том, что, во-первых, она опиралась на всемирную церковную организацию, а во-вторых, в том, что большинство ее агентов составляли иезуиты – прекрасно вышколенные, приученные хранить и верность, и доверенные им тайны, а главное, умеющие прекрасно использовать и слово, и яд.

– И тем не менее: разведка Святого престола!.. Тогда это уже не Святой престол, а настоящее окопное... пардон.

– Так и будет доложено самому Пию XII, – изобразив послушническую мину на лице, заверил его Родль голосом боголюбивого монаха.

– Зря вы острите, гауптштурмфюрер. Лучше бы позаботились о том, чтобы меня как можно реже преследовали.

– Благоразумная просьба, которая, однако, налагает некоторые обязанности и лично на вас, оберштурмбаннфюрер. То есть требует внимательности и крайней осмотрительности, а еще – постоянной связи с людьми, которые будут приставлены для контактов с вами; умения молчать и оставаться преданным той команде, к которой принадлежите. Я ничего не упустил, барон фон Шмидт?

– И если я соглашусь на эти условия, то?..

– Полной гарантии не даст даже Господь. Но поверьте: заступничество со стороны Скорцени и его людей – вот в чем ваше спасение. Сам тот факт, что ваше имя станут связывать с имиджем «человека Скорцени», – уже многих будет охлаждать.

– Что неоспоримо.

– Другое дело, что к этому заступничеству еще нужно будет прийти, его еще нужно заслужить.

«А ведь тебя уже вербуют, – сказал себе Шмидт. – Открыто и нагло вербуют. Хотя Родль прав: если уж кто-то и способен взять тебя в этом предразгромном бедламе под свое крыло, так это Скорцени – со своими легионами диверсантов и тайных агентов».

18

Осень 1944 года. Берлин.

Конспиративная квартира резидентуры СД

…Еще через несколько минут Родль доставил оберштурмбаннфюрера фон Шмидта на одну из конспиративных квартир диверсионной службы СД.

Лестница черного хода в старинном особняке, узкая безликая дверь, мимо которой можно было трижды пройти, не заметив; две небольшие комнатушки, из одной из которых замаскированный ход вел на чердак… Все в этой квартире представляло серым и неприметным. Однако озарял ее своим присутствием золотоволосый гигант с четко очерченным эллинским лицом, плечами циркового борца и могучими руцищами, которые – восстав посреди гостиной во весь свой рост, – парень властно положил на грани офицерского ремня.

– Какое знакомое изваяние! – не мог сдержать своего восхищение барон фон Шмидт, опытным глазом бывшего боксера оценивал мощь и красоту телосложения представшего перед ним полковника вермахта. Нет, Шмидт и в самом деле мысленно признался себе, что никогда не видел красавца, равного этому мужчине.

– Насколько мне известно, с полковником Курбатовым¹³ вы, барон, уже знакомы, – тоном дворецкого произнес Родль.

– Имел честь. – Сняв фуражку, поскольку полковник стоял посреди комнаты без головного убора, Шмидт приветствовал русского диверсанта весьма неуклюжим кивком массивной, заметно суженной к темени головы. – Рад видеть, господин полковник.

– Корсиканские корсары Роммеля вновь сходятся под пиратскими парусами, – сдержанно улыбнулся Курбатов.

– Кем только меня после операции по захоронению сокровищ фельдмаршала, носившей странное название «Бристольская дева», не называли. В том числе и «корсиканским корсаром Роммеля».

– Обязан напомнить, что полковник, князь Курбатов – бывший командир русского диверсионного отряда, который…

– Я в курсе, Родль, – прервал его барон. – Мне приходилось слышать об этом сибирском рейде, в том числе и от самого диверсанта-полковника.

– Если бы вам представилась возможность читать русские эмигрантские газеты, там о князе – взахлеб. По просьбе Скорцени некоторые статьи были специально переведены на германский. Они впечатляют.

– Не следует акцентировать внимание на делах прошлых лет, – сдержанно предостерег гауптштурмфюрера Курбатов.

– Смею возразить, господин оберст. Время вашего знакомства тоже должно быть использованоrationально, – молвил Родль. – Представляете себе чувства истосковавшихся по родине русских аристократов, – вновь обратился он к фон Шмидту, – когда они вдруг узнают, что из глубины Сибири, с дикого Востока, к ним явился этот молодой «белогвардейский», как говорят русские, офицер, князь! Словно бы пришел из красивой легенды, из вечности. Но хватит эмоций. Садитесь, господа, разговор наш будет недолгим. Господин оберштурмбаннфюрер, – продолжил он, когда собеседники уселись в приземистые кресла, – вам придется провести в этих апартаментах еще как минимум трое суток.

Шмидт устало взглянул на Родля и красноречиво пожал плечами. После того как ему продемонстрировали арест двух типов, устроивших за ним слежку, оберштурмбаннфюрер вос-

---

¹³ С этим героем читатели могли познакомиться на страницах романа «Маньчжурские стрелки».

принял сообщение о «домашнем аресте» с иронией человека, и не такое видевшего на своем веку. Единственное, на что он имел полное и неотъемлемое право, так это проклинать тот день, когда Роммель втравил его во всю эту историю со своими «африканскими сокровищами».

– Ясно: в течение трех суток я нахожусь здесь. Что дальше?

– Затем вновь появится полковник Курбатов, который в эти дни не станет стеснять вас своим присутствием. – Слушая эти слова, князь полузакрыл глаза: то ли от усталости, то ли от безразличия. – Он доставит вам документы и деньги. Маршрут и транспорт, которым вам надлежит отправиться в Италию, мы к тому времени определим.

– Опять в Италию?! – приподнялся Шмидт. – Уж не на переговоры ли с американцами?

– В Северную Италию, естественно, под крыло великого дуче.

– Но что нам делать в вотчине дуче? Во всяком случае, мне?

– Не пойму, с чего вдруг вы столь агрессивно настроены против Италии? Страна философов, поэтов и этих, как их там, ну да, скульпторов: Микеланджело, Роден – если только они в самом деле были итальянцами, поскольку, признаться, в истории искусства я не силен.

– Что вы валяете дурака, гауптштурмфюрер?! – побагровел фон Шмидт, вспомнив, что значительно старше Родля по чину. – Какая, к чертям собачим, «страна философов и поэтов»!!

– Если вы решительно настроены скрываться от преследователей-кладоискателей на Восточном фронте, противостоять вашему желанию я, конечно, не смогу.

– Почему вдруг «скрываешься»? – возмутился Шмидт, мысленно согласившись при этом, что Северная Италия все же лучше, чем Южная Польша или Восточная Венгрия.

– Да потому, что, спрятав вас на время в одной из разведывательно-диверсионных школ в Италии под чужим именем, мы таким образом получим хоть какой-то шанс спасти вам жизнь. Пока о вас не забудут, пока не прояснится ситуация в Италии и на других фронтах. Официально вы – представитель отдела диверсий имперской безопасности.

– А по-моему, подполковнику СС стоит сказать правду, – неожиданно вмешался Курбатов. – И состоит эта правда войны в том, что в Италии мы еще и станем использовать вас как приманку, выясняя, какие силы попробуют подобраться через вас к сокровищам Роммеля. Выяснить и истреблять.

Родль взглянул на русского диверсанта с почти гневным осуждением: эта информация явно не рассчитана на самого Шмидта. И был слегка удивлен, когда сам барон отреагировал на его искренность с абсолютным спокойствием:

– Благодарю, полковник, это уже по-солдатски. Что же касается вас, Родль… Поскольку я поступил в распоряжение Отто Скорцени… Передайте ему, что готов выполнить любой его приказ.

– Что тоже оч-чень по-солдатски. Тем более что многие офицеры СС сочли бы за честь выполнять приказы первого диверсанта рейха, – совершенно серьезно, без какой-либо назидательности молвил Родль. На сей раз он был уверен, что говорит святую правду: к Скорцени действительно стремились, к нему тянулись. Вокруг него сотворялась некая романтическая аура, становившаяся все более притягательной для всякого ослабевшего духом. – Да, господа, иные и в самом деле сочли бы за честь… «Отчаянная борьба сохраняет свою вечную ценность в качестве примера» – когда фюрер изрекал эту мысль, он, прежде всего, имел в виду Отто Скорцени или же таких воинов, как он.

– У меня тоже создается впечатление, что, когда фюрер говорит о мужестве наших воинов, в качестве образца он всегда имеет в виду Скорцени, – великосветски поддержал его мысль фон Шмидт.

– Оказывается, и в этом вопросе мы единомышленники, барон. Прежде чем откланяться, сообщу вам, что у этого убежища имеется хозяйка. Она появится через полчаса и приготовит вам легкий ужин. Не думаю, что она способна скрасить вам эти три дня одиночества, поскольку

к красавицам не принадлежит, зато стреляет отменно. За это ручаюсь. Так что молитесь на нее, как на богиню судьбы Мойру, – посоветовал Родль, направляясь к двери.

– Мне тоже позвольте откланяться, господин оберштурмбаннфюрер, – молвил Курбатов, отходя к двери вслед за адъютантом Скорцени. – И не сомневайтесь: Италия будет нашей, независимо от событий на фронтах. Так что барра, оберштурмбаннфюрер, барра!

– Италия как государство – деръ-ръмо, дуче Муссолини тоже всего лишь великосветское деръ-ръмо, – процедил барон. – А вот что значит ваше «барра», этого я не знаю.

– Боевой клич легионеров Римской империи. Кое-что из истории Рима нам, по ходу нашей стажировки в школе «Гладиатор», все же придется почерпнуть. Барра!

Оставшись наедине со своим презрением ко всему, что происходило в последние дни лично с ним, с Берлином и со всем прочим миром, фон Шмидт извлек из походного чемоданчика подаренную бывшим сокурсником, недавно вернувшимся после ранения с Восточного фронта, русскую гранату «лимонку» – вдруг его и здесь выследят; рядом с ней он положил пистолет и нож и припечатал донышками имевшиеся у него в запасе две бутылки вина.

– Барра! – как можно воинственнее прорычал он, откупоривая бутылку и с явным наслаждением отведывая ее содержимое прямо из горлышка.

Главное, что впереди его ждали три дня состояния «офицера, вполне законно сбежавшего от войны». Все остальное никакого значения сейчас не имело.

19

Встреча с оберштурмбаннфюрером фон Шмидтом была предельно короткой. Когда Скорцени появился на квартире, барон уже прождал его более часа и заметно нервничал, не понимая, зачем его заманили в эту мрачную обитель – с двумя черными ходами, низким потолком и окнами-бойницами, очень напоминающими амбразуры средневековой крепости.

Он был выше Скорцени по чину, но когда тот наконец появился, фон Шмидт вытянулся перед ним так, как не вытягивался ни перед Роммелем, ни перед Гиммлером. Никогда он еще не осознавал себя столь незащищенным, как сейчас, оказавшись один на один с этим угрюмым, с исполосованным шрамами лицом, громилой.

– Кажется, вы хотели видеть меня, барон? – взорвался хрипловатым рыком первый диверсант рейха после убийственной паузы, во время которой барон чувствовал себя так, словно это молчание палача, колдувшего над петлей, которую ему вот-вот набросят на шею.

– Извините, господин оберштурмбаннфюрер, вышло какое-то недоразумение… Хотя в общем-то… – так и не решился барон напомнить Скорцени, что прибыл-то он в Берлин не по своей воле, а по его личному приказу.

– В этом-то и заключается ваша ошибка, барон фон Шмидт, – не давал ему опомниться обер-диверсант рейха. – Страстное желание встретиться со мной должно было преследовать вас постоянно, причем с тех самых пор, как вы погрузили сокровища известного вам фельдмаршала на морское дно у побережья Корсики.

– Но ведь я никогда не стал бы возражать против нашей встречи, – совершенно опешил фон Шмидт. Всегда самоуверенный и неописуемо наглый, он представлял теперь перед начальником диверсионной службы СД, как безвольный тыловик – перед фронтовым генералом.

– Где карта?

– Простите…

– Это непростительно, оберштурмбаннфюрер. Я спросил вас, где покоятся карта, на которую нанесены места погребения африканских сокровищ Роммеля. Заметьте, до сих пор я так и не поинтересовался, где и по чьей воле покоятся сами сокровища. Пока что меня интересует только карта, на которую, как мне известно, нанесены места захоронений не только морского клада, но и нескольких сухопутных¹⁴.

– Со мной ее нет.

– Именно поэтому я и спрашиваю, где она, – налился металлом голос Скорцени, хотя внешне первый диверсант рейха вроде бы не вспылил.

– Господин штурмбаннфюрер, – наконец-то начал приходить в себя фон Шмидт, – о карте клада вам лучше переговорить с рейхсфюрером СС Гиммлером.

– Почему не с самим фюрером лично, причем прямо здесь и сейчас?

– Согласно приказу рейхсфюрера СС я не имею права предъявлять ее кому бы то ни было. Никому, кроме самого рейхсфюрера СС Гиммлера.

– Вы совершенно не вовремя озадачили меня, барон. Что с вашей стороны весьма неосмотрительно.

– Поверьте, даже вашему непосредственному начальнику, доктору Кальтенбруннеру, пришлось отступить, когда он узнал о приказе рейхсфюрера.

– Кальтенбруннер – великий стратег, барон. Слишком великий, чтобы заниматься какими-то там кладами и картами. Его замыслы столь глубоки и дальновидны, что время от

---

¹⁴ Часть переброшенных в Европу сокровищ Роммеля, в виде картин и всевозможных изделий, была захоронена в различных горных районах Германии и Австрии.

времени он позволяет себе отказываться... даже от собственных замыслов. И никаких псалмопений по этому поводу, барон, никаких псалмопений!..

Шмидт покачал головой, пытаясь понять, что скрывается за словами Скорцени, но понял только одно: тот настроен агрессивно.

– И все же заставить меня предъявить вам карту может лишь рейхсфюрер Гиммлер. Причем в его отсутствие я подчинюсь только письменному приказу, подписенному рейхсфюрером, – все тверже становился и голос барона. В нем уже явно взыграли не только страх перед предводителем диверсионной службы СД, но и собственная родовая спесь.

Теперь фон Шмидту и самому уже «возжалось» завершить свой категорический отказ любимой фразой Скорцени: «И никаких псалмопений по этому поводу, штурмбаннфюрер, никаких псалмопений!..»

Скорцени понимал, что фон Шмидт имеет все основания вести себя так, но понимал и то, что с ним, начальником отдела диверсий СД, вести себя так непозволительно никому. Не исключая Гиммлера. К тому же Отто взбесила ссылка барона на неудачу Кальтенбруннера, единственного из руководителей СД, к авторитету которого он мог сейчас апеллировать и который пока еще способен воздействовать на великого магистра Ордена СС Гиммлера.

– Если рассуждать здраво, рейхсфюрер абсолютно прав, резко сужая круг лиц, посвященных в эту тайну, – наконец находит в себе мужество Отто. – Тем более что без вашего участия в операции нам все равно вряд ли удастся обнаружить эти контейнеры, дьявол меня расстреляй.

– Вы правы: в данном случае любая карта – деръ-ръмо, – примирительно соглашается барон, сразу же вспомнив, что, спасая карту, он в то же время спасает и свою жизнь. Такая вот, почти гибельная, закономерность.

Как только карта и приметы станут достоянием этого «похитителя дуче Муссолини», он, фон Шмидт, сразу же покажется ему слишком задержавшимся на этом свете опасным свидетелем. И пусть никому не приходит в голову списывать эти страхи на его, барона, маниакальную задерганность и патологическую трусость! Он, конечно же, никогда не принадлежал к отпетым храбрецам, но и в трусах тоже до сих пор не числился.

Другое дело, что до барона уже давно доходили слухи о том, как один за другим исчезают участники «конвоя Роммеля» – и солдаты, и моряки. Особенно те, кто хоть в какой-то степени был посвящен в тайну операции «Бристольская дева».

– Что же тогда в данном конкретном случае не «великосветское окопное деръ-ръмо»? – спародировал егоober-диверсант рейха. – Просветите и проясните.

– Нужны верные приметы. Насколько я понял, вы собираетесь снаряжать экспедицию? И не только морскую. Так вот, я готов присоединиться к ней.

– И каковой же вы представляете себе эту экспедицию в наше время? Для кого, спрашивается, мы будем извлекать африканские сокровища?

– Сам не раз уже задумывался над этим – для кого конкретно рисковать жизнями будем?

– И к какому же выводу пришли?

– Что не мне решать судьбу этого клада, – покачал уже даже не головой, а всем тулowiщем фон Шмидт. – Кому угодно, только не мне. Даже если бы сам рок поверженного рейха остановил свой выбор именно на моей персоне.

– Благоразумная позиция. Далекая от патриотических порывов истинного германца, зато преисполненная служебной мудростью.

– Будем считать это признанием заслуг перед казнью, – мрачно пошутил барон.

– Собственно, мне нужна сейчас не карта, а гарантия того, что ориентиры расположения кладов утеряны не будут и что к ним не подберется кто-либо, кроме людей моей команды.

– Правомерное стремление.

– Поэтому поездка в Италию отменяется, хотя мы и распустим слух о том, что отправили вас к «макаронникам».

– Жаль, там я находился бы в непосредственной близости от места «морского погребения» сокровищ.

– В этом-то и вся опасность: еще, чего доброго, возомнили бы себя цербером клада фельдмаршала.

– На самом же деле кое-кто в Берлине опасается, как бы я не организовал собственную поисковую экспедицию.

Скорцени понял, что под этим «кое-кто» барон подразумевает его самого. Прежде всего, конечно же, его. И поиграл желваками.

– Какие бы планы вы сейчас ни вынашивали, оберштурмбаннфюрер, – не стал накалять обстановку «человек со шрамами», – на самом же деле вы отправитесь в Баварию, в Берхтесгаден, и до конца войны, до моего особого приказа, будете оставаться там, в районе Альпийской крепости. – Шмидт хотел что-то возразить, однако Скорцени упредил его: – Приказ о назначении вы получите завтра же, не покидая не только Берлина, но и стен этой квартиры. Там, в Альпийской крепости, вы тоже обязаны будете находиться в строго отведенном месте службы, под моим личным присмотром.

– Стоит ли прибегать к подобным мерам? – пожал плечами фон Шмидт.

– Еще как стоит!

– Тогда хотелось бы знать: меня там будут охранять или же содержать как узника?

Скорцени воинственно рассмеялся. Это был смех садиста, решившего, что в изdevательствах над этой жертвой он способен превзойти самого себя.

– Теперь вы, барон, сами превратились в одну из «африканских жемчужин» фельдмаршала Роммеля. И не стану утверждать, что завидую вам по этому поводу.

– Я и сам себе уже не завидую, – пробормотал барон, и широкоскулое шелушащееся лицо его покрылось густой сетью багровых капилляров.

– Отныне вы входите в особую группу «корсиканских коммандос» и, независимо от положения на фронтах и даже от общего исхода войны, всегда, при любых обстоятельствах будете выполнять все мои приказы, причем только мои, – внушительно произнес обер-диверсант рейха. – И никаких псалмопений по этому поводу, барон! Никаких псалмопений!..

20

— Мне доложили, что к оберштурмбаннфюреру фон Шмидту вами приставлен некий русский диверсант, — Гиммлер вызвал Скорцени по совершенно иному поводу, и то, что он вдруг обратился к «африканским сокровищам» Роммеля, оказалось неожиданным для него.

— Так точно, приставил. Полковника Курбатова. Из белых русских офицеров, ни на что лично в этой операции не претендующего и множество раз проверенного.

— Это что, очередная шутка отдела диверсий?

— Существуют сведения, что сокровищами фельдмаршала уже заинтересовалась русская разведка.

— И было бы странно, если бы «птенцы Берии» не заинтересовались ими, тем более что у них достаточно коммунистов и просто агентов НКВД и в Италии, и во Франции.

— А еще становится ясно, что русская резидентура очень внимательно присматривается к личности Курбатова, отслеживая все его перемещения.

— Не для того, однако, чтобы расправиться с ним, — попытался развить его мысль рейхсфюрер, в служебном сейфе которого давно лежало обстоятельное досье на этого офицера, умудрившегося в свое время пройтись тылами красных от Маньчжурии до границ рейха.

— Так вот, русской разведке теперь уже наплевать на то, кому и под какими флагами служил Курбатов до сих пор. Там понимают, что князь-полковник не только приобрел известность в германских диверсионных кругах, но и стал кумиром для многих тысяч русских эмигрантов, особенно аристократов. А значит, можно не сомневаться, что кремлевские агенты неминуемо выйдут на Курбатова и в ходе операции «Сокровища Роммеля».

— Попытаются сыграть на его национальных чувствах, — понимающе кивнул Гиммлер, казалось бы, не отрываясь от чтения какого-то документа.

Ни для кого из окружения рейхсфюрера не было секретом, что во время бесед с подчиненными он постоянно прибегал к одному и тому же приему — делал вид, что, поддерживая разговор, занят изучением какого-то очень важного документа. И беседа с обер-диверсантом рейха исключения не составляла. Что, однако, не мешало «черному Генриху», как очень часто называли рейхсфюрера, поддерживать разговор на вполне достойном уровне.

— И потом, всем нам известна неуравновешенность барона фон Шмидта, — воспользовался моментом Скорцени, чтобы дать реальную оценку новоявленному «хранителю сокровищ фельдмаршала». Поэтому и решено, господин рейхсфюрер, что в окружении этого оберштурмбаннфюрера, — чин фон Шмидта Отто всегда произносил с той долей иронии, которая не оставляла сомнений, что столь высокого, по меркам СС, чина барон явно не достоин, — постоянно должен находиться кто-то очень надежный. В противном случае мы потеряем фон Шмидта задолго до того, как уже в послевоенное время представится возможность вспомнить о морских сокровищах фельдмаршала.

— И затем уже — возможность «окончательно потерять» самого барона.

— Что нами тоже предусмотрено, — вытянулся по стойке «смирно» Скорцени.

Хотя Гиммлер и носил мундир фельдмаршала СС¹⁵ и занимал должность командующего войсками этой организации, по-настоящему военным человеком он себя все же не ощущал. Вот почему рядом с такими людьми, как «первый диверсант рейха», он чувствовал себя, как гном — под могучей рукой богатыря; хоть и не слишком уютно, зато защищено.

---

¹⁵ Чин «рейхсфюрер СС», которого в рейхе удостоился только один человек — Генрих Гиммлер, соответствовал чину генерал-фельдмаршала в вермахте. По должности он являлся главнокомандующим войсками СС и руководителем самой военной организации СС.

— Кстати, барон, что — последний из тех, кто реально способен помочь нам в поисках сокровищ? — Скорцени показалось, что, спросив об этом, Гиммлер даже приподнялся со своего кресла.

— Похоже, что да.

— Вообще... последний? — вопрос показался первому диверсанту рейха совершенно нелепым, тем не менее он ответил на него со всей возможной серьезностью:

— Если речь идет о тех, кто в самом деле способен служить проводником водолазной экспедиции, а не заразным разносчиком слухов.

— Почему он? — откинулся на спинку кресла главнокомандующий войск СС, и свинцовые кругляшки его очков мгновенно потускнели. Но лишь после этого вопроса он жестом руки указал Скорцени на стул за приставным столом, слева от себя.

— Таким оказался выбор фельдмаршала Роммеля, который назначил барона начальником охраны своего Африканского конвоя.

— Я хотел спросить, почему остался только фон Шмидт, — понял свою ошибку Гиммлер. — Что с остальными? Где они?

— Увы, их уже нет. Так сложились обстоятельства. В силу разных причин все они погибли.

Гиммлер настороженно смотрел на обер-диверсанта, ожидая разъяснений. Скорцени этого не любил. Об убийствах он предпочитал не откровенничать даже с начальством.

— И кто же был заинтересован... в создании подобных «обстоятельств»?

— Наш глубокоуважаемый партайгеноссе Борман.

— Всего лишь? — От Скорцени не ускользнуло, что имя заместителя фюрера по партии особого удивления у рейхсфюрера не вызвало.

— Ну, еще в какой-то степени Геринг.

— Что более правдоподобно. Однако согласен: решения, судя по всему, принимал все же Борман.

— Используя, как это ни странно, абверовскую агентуру Канариса и, конечно же, свои старые партийные кадры. Впрочем, мы были заинтересованы в том же.

К паузе Скорцени прибег специально для того, чтобы позволить рейхсфюреру задать неминуемый в этой ситуации уточняющий вопрос: «Кто это «мы»?»

Зашел адъютант. Положив перед командующим войсками СС коричневую папочку с тесненным на нем золотистым орлом и произнеся при этом свое традиционное «Как вы приказывали, господин рейхсфюрер СС», он удалился. Однако Гиммлер так и не шелохнулся. Запрокинув голову, он ждал разъяснений.

— «Заинтересованы» в том смысле, что следовало максимально сузить число лиц, посвященных в тайну клада Роммеля. Только в этом случае мы можем со спокойной душой встречать «час икс».

— Но вы-то, Скорцени, понимаете, что речь идет о ценностях, которые, возможно, помогут нам продержаться в течение нескольких лет после того, как...

— Только это я и имею в виду, охраняя их, подобно разгневанному Церберу, господин рейхсфюрер СС.

— В таком случае на что рассчитывает Борман? На что вообще он может рассчитывать, помня, что клад охраняете вы?

Обер-диверсант рейха признательно ухмыльнулся: не каждый офицер СД мог рассчитывать на комплимент командующего «черной гвардией фюрера».

— Рейхсляйтэр Борман владеет почти теми же сведениями о кладе, что и мы. Это вселяет в него надежду. Единственное, чего у него нет и уже никогда не будет, это очевидцев, которые бы помнили детали захоронения сокровищ, а главное, могли визуально определять, где именно следует проводить водолазные поиски.

— Что крайне важно, Скорцени. Нам не может быть безразлично, кто из нынешних руководителей рейха получит доступ к сокровищам Роммеля. Мы должны четко представлять себе, — почти патетически воскликнул он, словно дележ сокровищ должен был состояться уже завтра, — на какую идею он будет нацелен! И кто конкретно — Запад или Восток — будет стоять за его обладателями.

— За ними будет стоять Германия, — с убийственной непосредственностью охладил рейхсфюрера Скорцени. И тот, словно проигрывающий шахматист, вынужден был взять «тайм-аут».

— Значит, убирали этих людей все-таки вы, штурмбаннфюрер?

— Первых убрали люди Бормана. Но когда стало ясно, чем руководствуется при этой тактике сам рейхсляйтер, подключились мои парни. Ставка была сделана на барона фон Шмидта. Все остальные должны были исчезнуть, дабы не достаться какой бы то ни было группе кладоискателей. В этом наши с Борманом намерения почти совпали.

Гиммлер промычал что-то нечленораздельное, что можно было истолковывать и как недоумение, и как полное одобрение действий обер-диверсанта рейха. Понятно, что Скорцени предпочел второе.

— И вот теперь идет охота на душу бедного Шмидта?

— Идет, — кратко признал Скорцени. — И было бы странно, если наши оппоненты успокоились.

— Нападение на него в унтер-офицерской школе — тоже идея Бормана?

— Это оскорбило бы нас. Нападение в школе следует воспринимать всего лишь как имитацию. Стреляли мои люди.

— Зачем... стреляли?

Во время своего недавнего посещения Италии Скорцени понадобилось встретиться с одним из «донов» североитальянской мафии, поддержкой которого время от времени пользовался Муссолини. Контакты с ним понадобились Скорцени, чтобы лишний раз подстраховаться относительно неприкосновенности виллы «Орнезия», в районе которой как раз и действовало одно из благородных семейств, подчиненных дону Кастеллини.

Так вот, в эти минуты Гиммлер очень напоминал ему «дона»: та же вальяжная многозначительность, тот же налет снисходительной медлительности сатрапа, способного казнить и миловать... «Очевидно, — подумал он, — люди, достигающие огромной, неафишированной власти, независимо от того, в качестве кого они предстают легально, в обществе, приобретают какие-то особые, общие для всех властителей тайных обществ, черты характера и даже внешности. Магистр ордена СС — одно из подтверждений этой теории».

— В принципе, его следовало тогда же и расстрелять: настолько нагло начал вести себя фон Шмидт в последнее время. Но... для начала пришлось популярно, с помощью шмайссеров, объяснить, кто он в этом мире на самом деле, и благодаря кому все еще не числится в покойниках. А главное, наглядно продемонстрировать барону, что в безопасности он может чувствовать себя лишь до тех пор, пока остается верным нам и обету молчания.

— И обету молчания, штурмбаннфюрер, именно так: обету молчания! — угрожающе постучал указательным пальцем по столу Гиммлер, словно требовал такого же обета, причем сейчас, немедленно, от самого Скорцени. — И пусть только кто-либо осмелится нарушить его!

21

Лишь в отеле, в своем номере, куда Курбатов вошел вместе со Шмидтом, они наконец вскрыли пакет.

Удостоверение личности, на котором красовалась фотография барона, утверждало, что владельцем документа является оберштурмбаннфюрер Фридрих Лоут.

– Что ж вы скрывали, барон, что на самом деле вы – «тот самый» Лоут, а не какой-то там фон Шмидт?

– Кем только я ни был за последние несколько месяцев. Кстати, почему эти сволочи из отдела фальшивых документов не написали «фон Лоут»?

– Очевидно, опасались, что с приставкой «фон» легче выяснить личность. Аристократов в Германии значительно меньше, нежели неизвестно когда получивших свой очередной чин оберштурмбаннфюреров.

– В таком случае плевать я хотел на их удостоверения, – проигнорировал барон попытку князя Курбатова «подколоть» его.

– А между тем Скорцени особо предупреждал меня, а следовательно, и вас, что в «Орнезии» барон фон Шмидт может появиться только под фамилией, указанной в удостоверении. Так что благодарите Бога и Скорцени, что вам хотя бы оставили ваш чин.

– Я получил этот чин по приказу самого Гиммлера.

– Лишить его тоже могли по приказу все того же рейхсфюрера, – убийственно « успокоил » барона обер-диверсант.

Услышав это, фон Шмидт отпрянул, словно от автоматной очереди, и процедил, что у него не меньше заслуг перед рейхом, чем у многих других, которые давно ходят в генералах, в том числе и в генералах от СС. Однако это довод никакого впечатления на Скорцени не произвел.

– Кстати, вот еще один документ, – как ни в чем не бывало, продолжил он. – Оказывается, это медицинская справка, из которой следует, что в течение двух месяцев вы пребывали в 117-м госпитале, на излечении по поводу контузии и воспаления легких. Как это вас угораздило, господин Лоут?

– Прекратите, полковник! – поморщился барон.

– А потом еще и попали в санаторий войск СС, где заодно подлечивали печень. Завидую.

– Лучше бы эти кретины действительно направили меня в санаторий, чтобы подлечить эту самую печень.

– И, наконец, еще один документ, которым удостоверяется, что в настоящее время оберштурмбаннфюрер Лоут выполняет особое задание службы безопасности Главного управления имперской безопасности.

– Увидев эту бумажку, английская контрразведка падет передо мной ниц.

– А по-моему, вам нечего жаловаться на судьбу, оберштурмбаннфюрер, – передал Курбатов все эти бумаги их владельцу. – Чин сохранен. Болячки ваши фронтовые основательно подлечены. Задание настолько секретное, что ни вам, ни мне – не говоря уже о Сикрет Интеллидженс Сервис – сути его понять не дано. Чего еще желать офицеру, когда вокруг – война, а ему предлагают виллу на Лигурийском побережье?

– Посмотрел бы я, как бы вы чувствовали себя, если бы в течение трех месяцев вам трижды меняли фамилию, швыряя при этом из одного конца Германии в другой, а оттуда – в Италию.

– Ну, к изменению фамилий мне не привыкать.

– Черт, вы ведь диверсант. Пардон, совершенно упустил из виду. А каково чувствовать себя в своем же тылу, когда, чуть ли не каждую неделю сообщают, что кто-то из людей, с кото-

рыми ты осуществлял некую сволочную операцию, то ли при очень странных обстоятельствах погибает, то ли сдуру кончает жизнь самоубийством?

– К этому я тоже привык. Что же касается ваших знакомых... Не кажется ли вам, что все, кому по замыслу СД, положено было исчезнуть, уже исчезли? Вам пора понять, что с исчезновением каждого из них ваши шансы – лично ваши, оберштурмбаннфюрер Лоут, на то, чтобы дожить до конца войны, резко увеличивались?

– Мне порой тоже казалось нечто подобное. Но теперь вновь мерещится очередная автомобильная катастрофа или выстрел из-за угла.

– Об этом можете забыть. Если бы он должен был прозвучать, этот «выстрел из-за угла», он бы давно прозвучал. Причем в числе первых из этой серии «устранений».

Барон оторвался от повторного чтения бумаг и внимательно, недоверчиво всмотрелся в глаза Курбатова. Сейчас он казался князю жалким, как воришко, которого вот-вот должны вздернуть на городской площади.

– Вы действительно уверены в этом?

– Для Скорцени вы представляете сейчас такую же ценность, как любой из контейнеров, составляющих «сокровища фельдмаршала». Или почти такую же. И так будет продолжаться до тех пор, пока эти сокровища покоятся на дне моря, у берегов вечно пиратствующей Корсики.

Барон опустил подбородок на грудь и отчаянно помотал головой.

– Сдаются нервы. Нервы сдаются, нервы, нервы!.. – воскликнул он, словно заклинание. – Это все – проклятые нервы!

Курбатов улегся на кровать и, забросив ноги на перила, закрыл глаза: «Нервы! Все вокруг жалуются на нервы. А что делать, на что жаловаться ему, человеку, прошедшему по тылам врага всю Евразию? Нужно жить и сражаться. Тактика боевых слонов: подняли хоботы, прорубили боевой клич – и в бой!»

Барон вновь, теперь уже бегло, просмотрел удостоверение личности, справку, еще какие-то документы, касающиеся офицерского довольствия, и швырнул все это на стол.

– Неужели опять разочарованы? – благодушно спросил Курбатов. Страхи Шмидта оказались ему детским капризом. – Вы слишком усложняете себе жизнь, барон – вот что я вам скажу.

– Какими бы бумажками ни осчастливливали меня Скорцени и его парни, все равно, поверьте мне, князь, это уже не жизнь, а великосветское деръ-рьмо!

– Ну, если вам удается видеть ее в таком ракурсе, – пожал плечами Курбатов.

– Почему я вынужден всю оставшуюся жизнь прятаться?

– Просто делайте вид, что ничего не происходит. Скоро мы окажемся на побережье Лигурийского моря. Вы будете загорать на пляже, дышать средиземноморским воздухом, любоваться горами... Что еще нужно человеку, когда вокруг агонизирует Вторая мировая война?

– Послушайте, полковник, вы не собираетесь еще раз отправиться в тыл к русским?

– Если бы и собрался, барон, то вас в свою группу не включил бы.

– Почему? Просто так спрашиваю, из любопытства...

– Будь вы членом моей группы, я пристрелил бы вас в первый же день. Как только услышал бы ваше неугомонное нытье.

– Оскорбляете, полковник. Барона фон Шмидта оскорбляете. И, может быть, впервые в жизни, я не могу сказать, что вы – великосветское деръ-рьмо. Не потому, что опасаюсь, а потому что это было бы несправедливо. Я искренне уважаю вас как фронтового офицера. Видел вас в деле, там, в поселке, на дороге, в ущелье. К тому же вы – аристократ. А это особая каста, да, полковник, особая. Ну а все, чем мы занимаемся, это и в самом деле всего лишь великосветское деръ-рьмо.

– Оригинальный способ восприятия мира.

– Не оригинальный, полковник, не оригинальный. И я не понимаю, почему из-за каких-то лежащих на дне моря ящиков я вынужден буду всю оставшуюся жизнь прятаться. Причем, что самое ужасное, от своих же.

– Ибо в вашем трагическом случае, – спокойно остудил его князь, поудобнее укладываясь на кровати, – наиболее опасны именно свои. И еще – как диверсант диверсанту: как можно реже упоминайте о ящиках. Даже в разговоре со мной. Офицеру, только недавно получившему тяжелейшую, как утверждается в вашей медицинской справке, травму на Восточном фронте, подобные воспоминания крайне вредны.

– Прекратите издеваться, князь. Это не так легко переносить, как вам представляется.

– Я бы поиздевался, если бы спросил, не хотите ли в самом деле получить контузию на Восточном фронте? Чтобы в ваших документах все соответствовало действительности.

– Не знаю, может быть, на вилле «Орнезия» действительно не так уж и дурно, – благополучно ушел от этой темы барон. – Но попомните мое слово: надолго задержаться в этом раю нам не позволят.

– А я и не собираюсь задерживаться там надолго. Это не в моих правилах – засиживаться на одном месте.

22

*Осень 1944 года. Северная Италия.
Вилла «Орнезия»*

Родль выглянул в иллюминатор и мечтательно улыбнулся:

– Какое же оно в эти минуты красивое – море!

Поначалу Скорцени высокомерно проигнорировал восторг своего адъютанта, но тотчас же спохватился:

– Какое еще море, Родль?! Вы чем это восхищаетесь?

– Морем. Самым обычным морем, – пожал плечами гауптштурмфюрер. – Теперь мы, по существу, летим вдоль берега, даже приближаемся.

– Сидевший рядом с ним штурмбаннфюрер оттолкнул плечом адъютанта и тоже припал к иллюминатору.

– Но ведь мы должны лететь через Австрию! Откуда море, дьявол меня расстреляй??!

Родль очумело повертел головой, давая понять, что происходит нечто такое, что вышло из-под их контроля.

– Сейчас мы исправим ошибку штурмана, – прохрипел он и, расстегнув кобуру, метнулся к кабине пилота. Словно бы избегая неприятных объяснений, летчик вдруг нацелил машину вниз и пошел на разворот, так что Родль едва удержался на ногах.

«Предательство! – первое, что пришло на ум гауптштурмфюреру. – Нас предали и пытаются доставить в расположение англичан!»

Уже выхватив пистолет, он оглянулся на Скорцени. Тот отвернулся от иллюминатора и теперь сидел, скрестив руки на груди, в позе Наполеона, принявшего после битвы под Ватерлоо решение сдаться на милость своих лютых врагов.

«Что-то здесь не то, – загипнотизировало Родля спокойствие шефа. – К тому же, пристрелив пилота, ты все равно погубишь и себя, и самолет».

– А море действительно красивое! – на ухо ему прокричал Скорцени, когда адъютант – злой, взбудораженный – вернулся на свое место. – По-моему, мы где-то в районе Савоны или городка с многозначительным названием Империя, так и не ставшего столицей этой самой империи.

– А там нас ждут англичане.

– Придется заставить вас изучать карту боевых действий, Родль. С фронтовой географией у вас всегда было плоховато.

– Но когда я требовал, чтобы вас доставили в Венгрию, вас доставляли в Венгрию, а не в Югославию, – огрызнулся адъютант, удивленный тем, что Скорцени столь быстро смирился с изменением курса.

– А жаль, если бы нас вовремя доставили в Югославию, война пошла бы по совершенно иному сценарию.

– Только уже без нас, – ухмыльнулся Родль с мимикой городского юродивого. У него это всегда получалось.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы определить, что приземлились они на одном из полевых аэродромов германских люфтваффе, и это как-то сразу же успокоило обоих пилигримов. Еще больше они усмирили свой гнев, когда увидели, что к ним направляется офицер в форме СС.

– Каким образом мы здесь оказались? – резко спросил Скорцени вышедшего из самолета летчика, прежде чем эсэсовец приблизился к ним.

– Прибыли туда, куда было приказано прибыть, – невозмутимо объяснил обер-лейтенант.

– Кем… приказано?

– Моим командиром.

– Но ведь мы должны были лететь…

– В Австрию, – согласился пилот. – Однако в последнюю минуту маршрут был изменен.

Мне сообщили об этом по радио, и я был уверен, что вы в курсе событий. Поэтому в подробности не вникал.

– Где же мы в таком случае приземлились?

– На полевом аэродроме «Зет-42».

– А более внятно нельзя?

Пилот пожал плечами с такой снисходительностью, будто ему приходится объясняться с несмышленым подростком.

– Этот аэродром находится неподалеку от итальянского городка Манжори. Вам показать на карте? – поинтересовался летчик, поняв, что название абсолютно ни о чем штурмбаннфюреру с исполосованной щекой не говорит.

– Убирайтесь к дьяволу со своей картой. И так все ясно.

– Мне приказано ждать вас на этом поле трое суток. Только трое.

– Ждать меня?! Это, конечно, трогательно, хотя я никого не просил о такой услуге.

– Мы, в авиации, привыкли лететь, куда нам приказывают, и не пытаемся знать то, чего знать нам не положено.

– Интересно, как это Герингу удалось добиться такого послушания? – не без ехидства спросил Скорцени, решив, что на досуге он еще разберется с этим пилотом, как и с теми, кто решается отправлять его, обер-диверсанта рейха, не туда, куда он велит, а куда им вздумается.

Оберштурмфюреру Теодориху было под тридцать. Молодцеватый вид, загорелое на южном солнце, худощавое лицо… Представившись Скорцени как руководитель местного отделения СД, он тотчас же сообщил, что в их распоряжении – трофейный английский джип, будто специально созданный для езды по горному итальянскому бездорожью.

Скорцени и Родль изумленно переглянулись, однако ни тот, ни другой не решились поинтересоваться у Теодориха, куда, собственно, им надлежит ехать по «горному итальянскому бездорожью», чтобы не выглядеть в глазах этого аэродромного щеголя законченными идиотами.

– Дождемся более удобного случая, – вполголоса поддержал молчаливую решимость своего шефа Родль, прекрасно понимая, что тот, кто решился прямо в полете изменить маршрут самого Скорцени, должен обладать очень важными полномочиями.

– Поэтому на всякий случай застегните кобуру, – посоветовал ему обер-диверсант рейха.

Джип оказался изрядно потрепанным на фронтовых дорогах, но от этого доверие к нему лишь возрастало. И то, что за рулем восседал итальянец, тоже не очень смущало Скорцени. Усевшись рядом с ним, штурмбаннфюрер проследил, как в авангард их небольшой колонны выдвинулись два мотоциклетных экипажа по три солдата в каждом, а в арьергарде пристроился итальянский грузовичок с десятком германских автоматчиков.

– Все, что смог наскрести, – извиняющимся тоном объяснил Теодорих. – И так пришлось основательно проредить аэродромную охрану.

– Наседают партизаны? – сочувственно поинтересовался Родль.

– До воздушных десантов союзнических войск пока не доходит.

– Просто в Лондоне еще не знают, что настоящий воздушный десант. Готовят в основном кавалеристов и шотландских стрелков в юбках.

Теодорих сдержанно улыбнулся. Это была улыбка снисходительной вежливости.

– До виллы «Орнезия» около восьмидесяти километров, я посмотрел по карте, – оглянулся водитель на усевшегося на заднем сиденье, рядом с Родлем, оберштурмфюрера. По говору его Скорцени сразу же определил, что родом этот германец из Южного Тироля. Только им, оказавшимся на территории Италии германцам по крови, еще и можно было доверять в

итальянской армии. – Но если двинемся напрямик, через перевал, километров пятнадцать срежем.

– Зато, нарвавшись на партизанскую засаду, угодим прямо в ловушку, – напророчил Теодорих.

– Не исключаю, – усердно почесал затылок водитель. – В последнее время красные появились и в этих благоденствующих краях.

– Позвольте, насколько я понял, речь идет об «Орнезии»? – удивленно уставился на своего патрона адъютант Родль. – Так ведь это же вилла, в которой…

– В которой, Родль, в которой… – поспешил прервать его Скорцени, не желая, чтобы здесь упоминалось имя владелицы виллы, очаровательной княгини из древнего германо-итальянского рода Марии-Виктории Сардони, известной им обоим еще по операции «Черный кардинал», связанной с подготовкой похищения папы римского Пия XII. – Дьявол с ними, с партизанами, – обратился он к водителю. – Гоните через перевал. У нас слишком мало времени.

– Всего трое суток, – иронично уточнил Родль, явно не одобравший подобного безумия обер-диверсанта рейха.

Он прекрасно знал, какие романтические воспоминания связаны у Скорцени с этой представительницей «черной знати» Италии. Как помнил и то, что рядом с княгиней всегда находится «бедный, вечно молящийся монах Тото», ее телохранитель и наставник, явный агент папы римского, по существу, сумевший с помощью самой княгини убедить в свое время обердиверсанта не торопиться с похищением понтифика.

– Кстати, мы так и не смогли дозвониться до виллы, чтобы предупредить хозяйку о вашем приезде, – вдруг вспомнился оберштурмфюрер, обращаясь к несостоявшемуся разорителю Ватикана. – Говорят, красивейшая итальяночка.

– Не нервничайте, Теодорих, – осадил его Скорцени. – Княгиню успели предупредить еще до моего отъезда из ставки Муссолини.

– Должны были бы предупредить, – охотно согласился оберштурмфюрер. – Не каждый день на эту виллу наведываются такие гости. Как, впрочем, и на подобные нашему полевые аэродромы.

Он говорил еще о чем-то, однако Скорцени к его словам уже не прислушивался. Ему вдруг вспомнился последний разговор с княгиней Сардони: «Если когда-нибудь, – молвила тогда Мария-Виктория, – вы почувствуете себя таким же бездомным дворнягой, каковой чувствовала себя, оказавшись вне этой виллы, я; если по всей Европе будут расклеены листовки с призывами выдать скрывающегося от правосудия военного преступника-диверсанта Скорцени, – не ухмыляйтесь так скептически, я совершенно не исключаю подобного исхода вашей диверсионной карьеры, – взъерошенно покачала головой княгиня, – вспомните о существовании где-то там, неподалеку от Генуи, виллы «Орнезия». Она, пребывающая под юрисдикцией папы римского, может оказаться тем единственным местом на земле, где на вас не будут распространяться никакие иные законы, кроме законов гостеприимства».

Теперь он уже не мог ручаться за точность каждого слова, но смысл прощального напутствия княгини был именно таким.

К счастью, до листовок по всей Европе дело пока что не дошло. Тем не менее ему уже пришлось вспомнить о том, что где-то в Италии действительно существует вилла «Орнезия», пребывающая под юрисдикцией Ватикана и личным патронатом папы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.